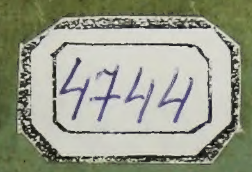

А. С. Поляковъ

Второе 1-е марта

Покушеніе на императора Александра III въ 1887 г.

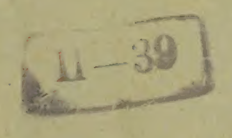
(МАТЕРІАЛЫ)

Изд. журнала „ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

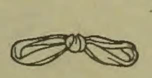
А. С. Поляковъ.

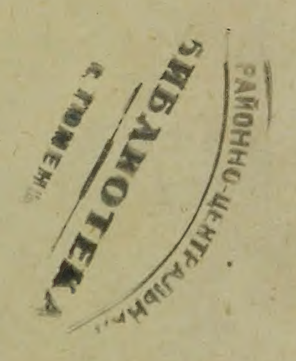
Второе 1-е марта.

Покушеніе на императора Александра III въ 1887 г.

(МАТЕРІАЛЫ).

Изд. журнала „ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

МОСКВА.—1919.
ТИПОГРАФІЯ КООПЕРАТ. Т-ВА ПЕЧАТН. И ИЗДАТ. ДѢЛА „ЗАДРУГА".
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.

ВТОРОЕ 1-е МАРТА.

Второе 1 марта.

Покушеніе на императора Александра III въ 1887 г.

(По неизданнымъ источникамъ).

И, покончивъ борьбу, вспомнивъ нашу судьбу,
Обвинять насъ потомки не станутъ
И въ свободной странѣ оправдаютъ вполнѣ,
Добрымъ словомъ погибшихъ вспомянутъ *).

I.

Послѣ 1 марта 1881 года старая гвардія Народной Воли понесла чувствительныя потери, которыя вѣрнѣе теперь назвать ея пораженіемъ. Изъ рядовъ партіи выбыли энергичные бойцы, беззавѣтно преданные дѣлу революціи, обаятельные люди, заражавшіе своимъ примѣромъ молодежь, революціонеры съ желѣзнымъ характеромъ и искренней вѣрой въ успѣхъ своего дѣла, въ правоту своихъ убѣжденій и поступковъ. Къ 1883 году Народная Воля носила въ себѣ злокачественную, смертельную

*) Изъ стихотворенія, написаннаго послѣ казни 4 ноября 1880 г. А. А. Квятковскаго и А. К. Прѣснякова и напечатаннаго въ № 4 «Народной Воли».

Матеріалъ о «Второмъ 1 марта» распадается на три группы: воспоминанія и статьи, напечатанныя въ Россіи и за границей, печатные отчеты Департамента Полиціи и, наконецъ, офиціальные документы, не бывшіе въ печати (рядъ цѣнныхъ свѣдѣній я почерпнулъ изъ разговоровъ съ участниками дѣла І. Д. Лукашевичемъ и М. В. Новорусскимъ, за что имъ приношу глубокую благодарность).

Воспоминанія шлиссельбуржцевъ М. В. Новорусскаго и І. Д. Лукашевича («Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ» М. В. Новорусскаго помѣщено въ «Быломъ» за 1906 г., № 4, «Воспоминанія о дѣлѣ 1 марта 1887 года» І. Д. Лукашевича напечатаны въ томъ же журналѣ за 1917 г., №№ 1 и 2)—цѣннѣйшіе документы, первоисточники, много разъясняющіе, и удивляешься памяти людской, точной не только въ главныхъ чертахъ, но и въ деталяхъ.

Біографическія свѣдѣнія о главаряхъ «Второго 1 марта» даны въ «Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ». Объ І. Д. Лукашевичѣ и М. В. Новорусскомъ напечатаны статьи В. Н. Фигнеръ, объ А. И. Ульяновѣ—воспоминанія его сестры А. И.

болѣзнь—предательство. Дегаевщина окончательно расшатала когда-то крѣпкій организмъ партіи, и работа ея замираетъ. Въ слѣдующемъ году дѣлаются попытки со стороны Распорядительной Комиссіи, выбранной на Парижскомъ Съѣздѣ, примирить разныя партійныя теченія, обновить самый составъ организаціи и съ молодыми силами поставить работу, что называется, на рельсы. Пріѣздъ Г. А. Лопатина, посланнаго въ Рос-

Ульяновой, имѣются замѣтки М. В. Новорусскаго о казненныхъ первомартовцахъ: П. Я. Шевыревѣ, В. Д. Генераловѣ, П. И. Андреюшкинѣ и В. С. Осипановѣ. Современная событію легальная пресса «безмолвствовала», если не считать небольшого оффиціального извѣщенія объ арестѣ на Невскомъ проспектѣ трехъ студентовъ съ бомбами и напечатаннаго послѣ казни пятерыхъ первомартовцевъ приговора надъ осужденными. Только «Московскія Вѣдомости» сочли нужнымъ поговорить о крамолѣ. Другія газеты ограничились перепечаткой сообщеній, а «Русскія Вѣдомости», выразители стремленій либеральнаго общества, посвятили свою передовицу... «жалкимъ результатамъ ирландской политики и отставкѣ статсъ-секретаря Гиксъ-Бича».

Обстоятельства нашего времени лишили возможности автора статьи воспользоваться отчетомъ о дѣлѣ, напечатаннымъ въ заграничномъ органѣ «Свободная Россія» (отъ 1 декабря 1889 г.); пришлось лишь ограничиться пересказомъ І. Д. Лукашевича, въ его «Воспоминаніяхъ». Совершенно остались намъ неизвѣстными также строки, помѣщенныя въ «Общемъ Дѣлѣ» (№ 97).

Къ источникамъ второй группы относятся «Обзоры важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ Жандармскихъ Управленіяхъ Имперіи по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ», издававшіеся ежегодно Департаментомъ Полиціи. «Обзоры»—источникъ довольно мутный, тенденціозный, но чрезвычайно важный, такъ какъ составители ихъ непосредственно пользовались документами полицейскихъ дознаній, вещественными доказательствами, отобранными при обыскахъ, и агентурными свѣдѣніями. «Обзоръ» за 1887 годъ—подъ № XII—послужилъ матеріаломъ для труда (авторъ неизвѣстенъ намъ), вышедшаго въ количествѣ ста экземпляровъ на французскомъ языкѣ и переведеннаго на русскій подъ названіемъ «Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи въ 1878—1887 гг.»; «Обзоромъ» № XII пользовались Спиридовичъ, Рожановъ и другіе оффиціальные историки жандармской дѣятельности. Новаго всѣ они для насъ ничего не дали, поэтому упомянутые труды можно смѣло обойти молчаніемъ.

Третьимъ и важнѣйшимъ источникомъ для статьи служатъ всеподданнѣйшіе доклады министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. Толстого и его товарищей по жандармской дѣятельности директора Департамента Полиціи П. Н. Дурново и генерала Оржевскаго.

Александръ III, какъ его отецъ и дѣдъ, проявлялъ самую живую любознательность по политическимъ дѣламъ, а къ покушенію 1 марта 1887 года царь отнесся съ удвоеннымъ вниманіемъ. Доклады о «Второмъ первомъ марта» составлялись въ Департаментѣ особенно подробно, царя знакомили съ малѣйшими измѣненіями въ ходѣ слѣдствія и обыкновенно посылали копіи показаній арестованныхъ. Такимъ образомъ всеподданнѣйшіе доклады, являясь почти копіей самого слѣдствія, имѣютъ передъ нимъ и нѣкоторыя преимущества: среди нихъ сохранились бумаги, коихъ нѣтъ въ слѣдственномъ матеріалѣ, а главное, на нихъ имѣются собственноручныя отмѣтки царя, по которымъ мы можемъ видѣть, каково было отношеніе императора къ дѣлу, и лишній разъ убѣдиться в духовномъ ничтожествѣ и умственной немощи россійскаго самодержца.

сію вдохнуть «душу живу» въ революціонную работу, въ началѣ далъ благопріятные результаты; съ его арестомъ въ октябрѣ 1884 г. и массовымъ проваломъ революціонныхъ работниковъ фактически прекратила существованіе Народная Воля. Юридически партія умираетъ въ 1886 году, когда были задержаны видные народовольцы: Борисъ Оржихъ, Сергѣй Ивановъ, Богоразъ и нѣкоторые другіе.

Народная Воля, съ которой приходилось считаться передъ коронаціей Александра III, перестаетъ внушать опасенія правительственной власти. «Торжествующіе крики реакціи слышны повсюду», пишетъ Народная Воля въ октябрѣ 1885 года *). «Нѣтъ революціонной партіи, она погибла, благодаря строгимъ мѣрамъ»,—говорятъ Плеве, Дурново и tutti quanti, радостно потирая руки.

Для департамента полиціи несомнѣнно, что арестъ зачинщиковъ, «профессіональныхъ агитаторовъ», изъ которыхъ 80% евреевъ **), окончательно убьетъ движеніе и погубитъ даже тѣ остатки организаціи, какіе имѣются на лицо. «И если бы»,—мечтаетъ обозрѣватель,—«розыски Схарія Когана, Захара Васильева, Раисы Кранцфельдъ, Леона Ясевича и Абрама Баха (послѣдніе двое находятся за границей) увѣнчались успѣхомъ, то можно съ увѣренностью сказать, что преступное сообщество въ данное время не нашло бы въ своей средѣ людей, способныхъ замѣнить утраченныя въ лицѣ названныхъ агитаторовъ силы ***).

Чѣмъ меньше импонируютъ правительству революціонныя выступленія, чѣмъ больше они ослабѣваютъ, тѣмъ увѣреннѣе дѣйствуетъ власть. Партію правительство величаетъ «кучкой злонамѣреннаго элемента», которому можно приписывать самые безнравственные взгляды и поступки уголовнаго характера. Подобную точку зрѣнія легко воспринимаютъ лица, чуждыя революціонной борьбѣ, попавшія въ среду враговъ правительства случайно, нравственно неустойчивыя и при гоненіяхъ дѣлающіеся или ренегатами или предателями. Они, перейдя въ противоположный лагерь, не жалѣютъ красокъ на характеристику революціонеровъ ****).

---

*) «Народная Воля» № 11—12, статья «С.-Петербургъ 1 октября».

**) «Обзоръ», XI, стр. 7.

***) Тамъ же, стр. 3. Оптимизмъ Департамента Полиціи послѣ 1 марта 1887 г. нѣсколько поблекъ, хотя къ тому времени удалось задержать Когана, и выданъ былъ австрійскими властями Л. Ясевичъ. По этому поводу состоялась цѣлая переписка между нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и австрійскимъ правительствомъ. Несговорчивость австрійцевъ выводила Александра III изъ терпѣнія, и онъ на докладахъ шефа жандармовъ не разъ высказывалъ свой гнѣвъ: «Это дѣйствительно поавстрійски» (12 сентября), «Надо сознаться, что подлѣе австрійскаго правительства поступить было трудно» (21 октября) и т. п.

****) Хорошимъ примѣромъ можетъ служить поведеніе и рѣчь предателя, или, по оффиціальной терминологіи, обвиняемаго, давшаго «подробное и откровенное показаніе, разъяснившее вполнѣ обстановку преступленій», Петра Елько, который су-

Къ 1887 году въ крупныхъ городахъ Россіи существовали отдѣльные кружки, небольшія организаціи, составленныя главнымъ образомъ изъ студенчества, безъ основательной теоретической подготовки, революціоннаго опыта и достаточной выдержки. Реакціонная политика Императора Александра III, общественное безразличіе къ вопросамъ соціальнымъ, проповѣдь «малыхъ дѣлъ» и совѣты «не сражаться съ вѣтряными мельницами» служили плохими проводниками революціоннаго міросозерцанія. Да и въ народнической идеологіи, въ формахъ самой организаціи замѣчались основательные недочеты, которыми пытались объяснить неудачи партійной работы. «Народная Воля» слѣдовала строгой централизаціи, непріемлемой для революціонеровъ новаго призыва. Около 1884 года въ Петербургѣ во главѣ съ П. Ф. Якубовичемъ образовалась «Молодая Народная Воля», оппозиція старымъ народовольцамъ. Группа настаивала на пересмотрѣ программы, вводила въ планъ своихъ дѣйствій энергичную работу среди фабрично-заводскихъ пролетаріевъ и признавала аграрный и фабричный терроръ.

Устранять программныя и организаціонныя тренія приходилось все чаще и чаще. Видные революціонеры неустанно разъѣзжаютъ по Россіи, идутъ навстрѣчу мѣстнымъ реформамъ, спорятъ, убѣждаютъ и кое-какъ налаживаютъ и единомысліе и организаціонную спайку. Коганъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1886 года пишетъ Льву Тихомирову: «Можно было предполагать, что въ виду реформъ у насъ произойдетъ расколъ, но предположенія эти разсѣялись, и у насъ оказалось замѣчательное единство, несмотря на то, что мы находимся въ послѣднее время далеко другъ отъ друга, въ разныхъ концахъ Россіи; это тѣмъ отраднѣе, что служитъ нагляднымъ доказательствомъ тому, что мы живемъ дѣйствительной

дился по дѣлу Г. А. Лопатина. На засѣданіи суда, докладываетъ 28 мая 1887 года царю генералъ Шебеко, «Елько старался доказать, что ни Исполнительнаго Комитета, ни строго организованной партіи не существуетъ, а все это на бумагѣ и игра въ правительство, основанная на томъ, что сегодня мы сапоги чистимъ, а хотимъ, чтобы завтра намъ ихъ чистили». Елько признаетъ только Лаврова, Тихомирова и еще двоихъ-троихъ за политическихъ дѣятелей, остальные, главнымъ образомъ, эмигранты, «шайка, въ которую лѣзутъ всѣ бѣжавшіе изъ Россіи, отъ мелкаго поддѣлывателя фальшивой монеты до проворовавшагося присяжнаго повѣреннаго или нотаріуса. Значеніе таковыхъ лицъ сводится къ нулю. Все это самозванцы, называющіеся громкими именами агентовъ Исполнительнаго Комитета, членовъ Распорядительной Комиссіи, которые губили и губятъ молодежь». Несдерживаемый судомъ II. Елько произнесъ рѣчь, пересыпанную выраженіями «сволочь», «мошенники», «проходимцы». Отъ послѣднихъ словъ Александръ III получилъ полное удовлетвореніе и, отчеркнувъ ихъ, написалъ: «Славно отдѣлалъ ихъ». Видя, что судъ безвозбранно разрѣшаетъ на засѣданіи площадную ругань, Лопатинъ просилъ предсѣдателя оградить его и другихъ подсудимыхъ отъ оскорбленій со стороны Елько. Безъ сомнѣнія, на основаніи показаній Елько составлена «вѣрная» характеристика революціонеровъ въ Обзорѣ XI, стр. 8 и 9.

жизнью, а не витаемъ въ области отвлеченныхъ принциповъ» *). Не всегда такъ благополучно оканчивалось на мѣстѣ, иногда приходилось разрѣшать сомнѣнія у авторитетныхъ лицъ. Такъ М. И. Фундаминскій **) въ то время, когда Коганъ писалъ свое письмо, отправляется изъ Москвы въ Парижъ, чтобы побесѣдовать съ П. Л. Лавровымъ по программнымъ вопросамъ.

Бесѣдовать тогдашнимъ соціалистамъ народническаго толка приходилось о многомъ. Они должны были считаться со сторонниками группы «Освобожденія труда», составившейся въ 1883 году изъ чернопередѣльцевъ и объявившей о задачахъ соціалъ-демократовъ въ брошюрѣ Г. В. Плеханова «Соціализмъ и политическая борьба». Группа устами своего лидера заявляла, что «борьба за политическую свободу съ одной стороны и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли, съ другой—такова, по нашему мнѣнію, постановка партійныхъ задачъ», единственно возможная въ настоящее время... Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не «слишкомъ поздно» начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее «вполнѣ современнымъ и насущнымъ». У молодежи, разочарованной и въ народничествѣ и въ народовольчествѣ, взгляды только-что образовавшейся группы считались послѣднимъ словомъ революціонной и соціалистической мысли.

Въ 1884 году выходитъ программа группы, въ слѣдующемъ напечатана вторая брошюра Г. В. Плеханова «Наши разногласія». Оба изданія имѣютъ огромный успѣхъ, одно—какъ необходимая и дѣйствительная замѣна народовольческой программы, другое—какъ удачная и яркая полемика съ народничествомъ. Здѣсь авторъ выступилъ съ критикой народническихъ взглядовъ на роль капитализма и общины въ Россіи. Пусть, говоритъ Г. В. Плехановъ, «русскіе соціалисты изъ привилегированной среды оставятъ всякіе помыслы о захватѣ власти, предоставляя его нашей рабочей соціалистической партіи будущаго. Ихъ усилія направляться могутъ лишь къ созданію такой партіи и къ устраненію всѣхъ условій, неблагопріятныхъ для ея работы и развитія».

Ничего подобнаго не приходилось слышать до сихъ поръ нашей молодежи отъ руководителей революціоннаго народничества. «Въ революціонной литературѣ,—пишетъ Л. Шишко въ дополненіи къ извѣстной книгѣ Туна, сталъ проводиться тогда взглядъ, придававшій всякому революціонному движенію характеръ историческаго процесса и отри-

*) Обзоръ XII, стр. 33.

**) Студентъ Петровской Академіи, арестованъ въ Москвѣ по дѣлу Богораза въ 1886 г., сосланъ на 10 л. въ Восточную Сибирь, участвовалъ въ Якутскомъ сопротивленіи, присужденъ на 20 л. каторги, умеръ въ 1895 г. въ Иркутскѣ. О немъ см. Обзоръ XII, стр. 11, 43, 52 и 127, и заграничное «Былое», 1903 г., № 3, стр. 203.

чающій *научность* революціонной борьбы, подобной той, которую вела Народная Воля... Въ этой новой теоріи революціонная иниціатива какъ бы уступала мѣсто безошибочному разсчету, основанному на непреложныхъ историческихъ законахъ и потому устранявшему так-называемую непроизводительную трату революціонныхъ силъ».

Къ серединѣ 80-хъ гг., кромѣ группы «Освобожденіе труда» за границей, появляются социалъ-демократическія организаціи, въ родѣ Благоевской, въ самой Россіи. Большинство ихъ составляется изъ учащейся молодежи крупныхъ университетскихъ городовъ; иногда мы встрѣчаемъ распропагандированнаго рабочаго мѣстной фабрики или завода. Сторонникамъ народничества приходится считаться съ послѣдователями марксистскаго ученія и осторожно вступать въ борьбу, хотя теоретическія разногласія не приняли той остроты, какъ потомъ, въ 90 и 900 годахъ *). Для русскихъ соціалистовъ основы міросозерцанія не казались діаметрально противоположными, различія въ программахъ существенными, какъ позже. Пора «размежеваться» не пришла, соціалистическая печать не договорилась до конца, сліяніе обѣихъ группъ считалось возможнымъ, раздоръ, при ограниченности революціонныхъ силъ, пагубнымъ и недопустимымъ. Люди разныхъ взглядовъ на ходъ соціалистической борьбы могли работать вмѣстѣ.

Во время расцвѣта правительственной и общественной реакціи политическихъ кружковъ было недостаточно, къ сожалѣнію, они были изолированы другъ отъ друга, дѣйствовали по собственному плану, исповѣдывали собственное credo. Члены нарождающейся организаціи считали себя обязанными выяснить свою политическую физіономію, написать программу, которая, если въ кружокъ входили народники, мало чѣмъ отличалась отъ народовольческихъ взглядовъ и была перепѣвомъ программы Исполнительнаго Комитета, хотя марксистскія вѣянія и тутъ давали себя знать. Такова, напримѣръ, программа харьковской «подгруппы», образовавшейся лѣтомъ 1886 года **).

Былъ одинъ вопросъ тактическаго характера, которымъ народовольцы не могли поступиться—вопросъ о террорѣ. Но онъ не служилъ помѣхой для сліянія. Очень часто соціалъ-демократы энергично работали въ террористической организаціи и даже становились во главѣ ея. І. Д. Лукашевичъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей по второму 1 марта,

---

*) Кромѣ народовольцевъ и соціалъ-демократовъ, въ 1886 году за границей существовали «федералисты», съ Драгомановымъ во главѣ, группа «Пролетаріата» издавала въ Женевѣ газету «Walka Klas», а Эльпидинъ печаталъ «Общее Дѣло», органъ «конституціоналистовъ».

**) Подгруппа просуществовала недолго и весной 1887 г. была ликвидирована. Въ нее входили: М. А. Уфландъ, С. М. Ратинъ, Г. Е. Шуръ, М. И. Туганъ-Барановскій, Н. В. Григорьевъ, М. Н. Натансонъ, В. П. Бражниковъ и др.

въ объясненіи, представленномъ имъ 8 марта при слѣдствіи, писалъ: «Труды Карла Маркса, Энгельса, Лассаля, Плеханова и т. п., которые во всеоружіи знанія своего вѣка явились въ защиту четвертаго сословія, указали мнѣ путь къ исканію истины. Я вполнѣ убѣдился въ правотѣ воззрѣній соціалъ-демократовъ, проникся ихъ ученіемъ. Я былъ знакомъ и съ программой Народной Воли, но эта программа, по-моему, страдала большимъ недостаткомъ теоретическаго обоснованія своей практической дѣятельности. Поэтому я и не старался стать въ ряды этой партіи» *). Соціалъ-демократомъ считался и другой участникъ организаціи О. М. Говорухинъ, заподозрѣнный полиціей еще въ 1885 году въ принадлежности къ петербургской группѣ.

Терроръ стараются обосновать «научно» и обратить въ систему, осуждаютъ индивидуальныя выступленія, какъ не достигающія цѣли. Единственной формой борьбы, заявляютъ въ проектѣ программы харьковскіе народовольцы-террористы **), является систематическій терроръ. Политическій терроръ въ Россіи «не есть месть, самосудъ или безсознательный протестъ отчаянія, ни, наконецъ, прямое средство ниспроверженія существующаго экономическаго строя, а временная сознательная и разсчитанная борьба противъ столповъ деспотизма, не имѣющая подъ собой никакой почвы». Почти тоже самое говорятъ соціалисты-

*) Въ «Воспоминаніяхъ», которымъ мы должны довѣрять больше, чѣмъ вынужденнымъ показаніямъ, Лукашевичъ говоритъ обратное: «Мнѣ хотѣлось войти въ организацію Народной Воли, но это мнѣ не удалось, такъ какъ въ это время уже была разбита центральная организація Народной Воли и дѣятельность ея заглохла». Въ началѣ «объясненія» Лукашевича императоръ ставитъ резолюцію: «Образецъ идеала нынешней молодежи! Реализмъ, безвѣріе и только одна нелѣпая теорія».

**) «Народовольцы - террористы» вѣроятно представляли собой террористическую организацію вышеупомянутой харьковской «подгруппы»; во всякомъ случаѣ, обѣ организаціи были въ тѣсной связи. М. А. Уфляндъ входилъ въ обѣ группы, какъ Бражниковъ и Ратинъ. Харьковцы имѣли сношенія съ фракціей террористовъ 1 марта 1887 года черезъ Бражникова. Въ книжкѣ А. И. Ульянова была найдена замѣтка: «Уф-Land» (страна), нѣсколько ниже чертежъ дома и другая помѣтка «Иван. 16» (Ивановская, 16). Жандармамъ не трудно было разобрать запись «Уф. трудная страна», найденную также при арестѣ Когана въ Москвѣ 26 января 1887 г. Прямое отношеніе къ народовольцамъ-террористамъ имѣлъ Н. Мейснеръ, арестованный лѣтомъ 1887 года. Программа «народовольцевъ-террористовъ» была отгектографирована не позднѣе начала 1887 г. въ видѣ брошюры съ заголовкомъ: «И къ нашему протесту присоединится протестъ самой жизни». Брошюра 7 марта при докладѣ гр. Д. Толстого посылалась царю. Александръ III на докладѣ написалъ: «Это можетъ-быть серьезный фактъ. Тѣмъ болѣе правительству слѣдуетъ энергично (изъ переправленнаго энѣргично) и твердо продолжать свое дѣло, не укланятся въ сторону и безпощадно карать враговъ». Гр. Д. Толстой со своей стороны дѣлаетъ приписку: «Обратить особое вниманіе на эту организацію Вельбицкаго, а копію съ этой записки сообщить полковнику Новицкому, такъ какъ въ ней говорится о генералѣ Дрентельнѣ».

федералисты, рѣшаясь «вести дѣятельную борьбу съ правительствомъ, основаніемъ которой будетъ служить революціонная агитація, конечнымъ актомъ—терроръ» *). Предостерегающій голосъ Л. Тихомирова, писавшаго 5 марта 1885 г., что всѣ силы уходятъ не на переворотъ, а на терроръ и «уложить ихъ (т.-е. силы) опять въ частичныя дѣла въ угоду террору—это значитъ вѣчно оставаться нулемъ» **), не только не нашелъ себѣ поддержки въ средѣ единомышленниковъ, но встрѣтилъ энергичный отпоръ. Б. Оржихъ, въ найденномъ при обыскѣ черновикѣ, возражалъ Тихомирову: «Мы будемъ употреблять всѣ усилія, чтобы по мѣрѣ возможности осуществлять систематическій терроръ, при чемъ полагаемъ, что терроръ нужно создать терроромъ и ни на минуту этого не забывать... Каждый террористическій фактъ есть шагъ впередъ... Вездѣ и всюду публика жаждетъ террора, и огромное большинство мыслящихъ людей въ Россіи приписываетъ упадокъ партіи отсутствію террора» ***).

І. Д. Лукашевичъ въ упоминаемомъ выше объясненіи признавалъ существованіе террора, какъ роковую необходимость, какъ стихійное явленіе до тѣхъ поръ, пока будутъ въ такомъ полномъ разладѣ политика правительства и убѣжденія передовой части русской интеллигенціи. Терроръ ускоряетъ прогрессъ, заставляя правительство дѣлать уступки — соотвѣтственныя измѣненія въ законодательствѣ» ****).

Далеко не всѣ социалъ-демократы тогда были настроены благожелательно къ террору, кое-гдѣ они выступали противъ и высказывались довольно рѣзко. Эмиграція почти единодушно отвергала его, но въ Россіи людямъ, жившимъ въ условіяхъ реакціи 80-хъ гг., казалось немыслимымъ отказаться отъ рѣшительныхъ и крутыхъ мѣръ революціон-

---

*) Федералисты обѣщали дѣйствовать по примѣру Народной Воли, своей предшественницы, въ цѣляхъ объединенія всѣхъ фракцій оппозиціи на вопросѣ политической свободы, намѣрены были издавать въ Москвѣ органъ «соціально-революціонная партія». За содѣйствіемъ обратились къ Плеханову, В. Засуличъ, Кравчинскому и другимъ эмигрантамъ. См. Обзоръ XII, стр. 7, 8.

**) Обзоръ XI, стр. 28.

***) Обзоръ XI, стр. 28. Относительно настроенія молодежи и общества любопытна рукопись, отобранная у Генералова. Она представляла изъ себя отчетъ о положеніи революціонныхъ группъ въ юго-восточныхъ городахъ (Области Войска Донского), обозначенныхъ иниціалами А. В. С. При характеристикѣ революціонной дѣятельности въ городѣ В авторъ говоритъ: Направленіе молодежи преимущественно террористическое; многіе спрашиваютъ, отчего замолкла Н. В.; кое-кто высказываетъ желаніе скорѣйшаго устраненія Александра III. Даже военные въ массѣ недовольны реакціей, но они ограничиваются желаніемъ посадить на престолъ кого-нибудь другого». На допросахъ 5 и 11 марта Генераловъ отказался назвать автора, оправдываясь запамятованіемъ, но довелъ до свѣдѣнія жандармовъ, что при неудачѣ ихъ предпріятія рѣшено было вызвать террористовъ изъ провинціи, гдѣ тоже существуютъ организаціи. Не намекалъ ли онъ на харьковскую группу?

****) На послѣднюю фразу царь отвѣчаетъ: «Жестоко ошибается».

наго воздѣйствія на правительство. Въ вопросѣ о террорѣ социалъ-демократы должны были уступать, народовольцы здѣсь были непримиримы. Д. Кобермань на присланную изъ-за границы соціалъ-демократическую анкету отвѣчаетъ: «Только люди, живущіе за границей и потерявшіе знаніе русской жизни, могутъ предлагать соціалъ-демократическія программы для Россіи. Теперь пора соціалистовъ-революціонеровъ, а не соціалъ-демократовъ; послѣднимъ, можетъ-быть, принадлежитъ будущее, первымъ настоящее» *).

Несогласіе въ этомъ пунктѣ иногда принимало формы полной отчужденности и даже настоящей вражды. «Возможна ли у насъ соціалъ-демократія, какъ въ Германіи? Я думаю, что невозможна», писалъ П. И. Андреюшкинъ въ началѣ 1887 года **). «Что у насъ возможно, это—самый безпощадный терроръ, и я твердо вѣрю, что онъ будетъ и даже не въ продолжительномъ будущемъ; вѣрю, что теперешнее затишье—затишье передъ бурей. Исчислять достоинства и преимущества краснаго террора не буду, ибо не кончу до скончанія вѣка, такъ какъ онъ мой конекъ, а отсюда вѣроятно выходитъ и моя ненависть къ соціалъ-демократамъ». Въ памятной книжкѣ Андреюшкина сохранилась запись: «у нихъ (несомнѣнно, дѣло идетъ о соціалъ-демократахъ) слово расходится съ дѣломъ». Видя причину распада въ страхѣ безплодныхъ жертвъ, Андреюшкинъ добавляетъ: «Каждая жертва полезна; если вредитъ, то не дѣлу, а личности; между тѣмъ какъ личность ничтожна съ торжествомъ великаго дѣла» ***).

Замѣтную борозду въ революціонномъ движеніи второй половины 80 гг. провелъ кружокъ Ульянова, Шевырева, Лукашевича и др. Программа фракціи—попытка примирить теорію и практику народовольчества съ соціалъ-демократами и дать «научное объясненіе» террору. Мысль о составленіи программы зародилась въ кружкѣ по словамъ Ульянова приблизительно во второй половинѣ декабря 1886 года ****). «Всѣ были согласны», пишетъ Ульяновъ въ показаніи отъ 20 марта,

*) Обзоръ XII, 6 и 7 стр.

**) Письмо Андреюшкина къ студенту Харьковскаго университета Никитину, имѣвшее, какъ увидимъ ниже, роковое значеніе для первомартовцевъ.

***) Послѣдняя фраза была вставлена въ обвинительный актъ для характеристики Андреюшкина. Обзоръ XII, стр. 16.

****) Андреюшкинъ 7 марта показалъ, что осенью 1886 года въ Петербургѣ онъ «засталъ новую программу революціонной партіи, выработанную на основаніяхъ программы Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли и состоявшагося въ последній годъ соглашенія партіи Народной Воли съ партіей соціалъ-демократовъ, которыя до этого времени сходились въ конечной цѣли своихъ стремленій, но расходились въ путяхъ для достиженія цѣли». Эту программу онъ имѣлъ только въ рукописномъ видѣ. О какомъ соглашеніи и о какой программѣ говоритъ Андреюшкинъ, указать трудно. Вѣроятно, онъ держалъ въ рукахъ одинъ изъ многихъ проектовъ.

«что ни въ одной изъ существующихъ программъ не выставляется достаточно рельефно главное значеніе террора, какъ способа вынужденія у правительства уступокъ, и не дается удовлетворительнаго объективно-научнаго объясненія террора, какъ столкновенія правительства съ интеллигенціей, неизбѣжнаго, такъ какъ оно выражаетъ собой разладъ, существующій въ самой жизни и неминуемо переходящій при извѣстной степени обостренія въ открытую борьбу. Поэтому и было рѣшено формулировать нашъ взглядъ на терроръ въ особой спеціально террористической программѣ. Вскорѣ къ этому присоединилась мысль составить опытъ обще-партійной программы, которая могла бы объединить революціонныя партіи. Прежняя программа Народной Воли по недостатку научной обстановки и нѣкоторой неопредѣленности своихъ положеній не вполнѣ удовлетворяетъ революціонные кружки, и мы думали, что, исправляя эти ея недостатки и сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, смогли устранить всѣ существенныя причины разногласія и послужить дѣлу объединенія революціонныхъ силъ».

Мысль составить программу получила осуществленіе только въ февралѣ мѣсяцѣ 1887 года, при самомъ близкомъ участіи А. И. Ульянова, І. Д. Лукашевича, О. М. Говорухина и М. Н. Сосновскаго *). Ульяновъ на допросѣ назвалъ проектъ «опытомъ новой программы объединяющей партіи Народной Воли и соціалъ-демократовъ».

Оригиналъ программы миновалъ жандармскія руки, и Ульянову сидя въ Петропавловской крѣпости, по памяти пришлось ее возстановливать. Заглавіе проекта гласило: «Программа террористической фракціи партіи Народной Воли». Приложена она была при показаніяхъ Ульянова отъ 20 и 21 марта и пошла вмѣстѣ съ докладомъ на прочтеніе императору. Первая резолюція, какую поставилъ Александръ III, была: «Эта записка даже не сумасшедшаго, а чистаго идіота» **). Приводимъ программу въ самыхъ существенныхъ выдержкахъ.

Начинается она словами, ставшими къ тому времени трафаретомъ

«По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы—соціалисты. Къ соціалистическому строю каждая страна приходитъ неизбѣжно, естественнымъ ходомъ своего экономическаго развитія; онъ является такимъ же необхо-

---

*) І. Лукашевичъ вспоминаетъ объ этомъ собраніи: «Для обсужденія программныхъ вопросовъ мы (Ульяновъ, я, С..., Г...) собрались на квартирѣ Ульянова и здѣсь, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, Ульяновъ взялся формулировать наши положенія и составить текстъ программы нашей фракціи. Онъ вышелъ въ другую комнату и довольно быстро и хорошо справился со своей задачей. Онъ прочиталъ намъ написанное, мы одобрили и рѣшили напечатать эту программу». Былое, 1917 г., № 1, стр. 40.

**) Въ началѣ было написано «идеота». Резолюціи Александра III воспроизводятся здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ его орфографіи.

димымъ результатомъ капиталистическаго производства и порождаемаго имъ отношенія, насколько неизбѣжно развитіе капитализма, разъ страна вступила на путь денежнаго хозяйства. Этотъ законъ не выражаетъ собой, конечно, единственно возможнаго пути; онъ не исключаетъ возможности болѣе прямого перехода къ соціалистической организаціи народнаго хозяйства, если для этого существуютъ особо благопріятныя условія въ привычкахъ народа, въ характерѣ интеллигенціи и правительства. Онъ выражаетъ собой лишь ту историческую неизбѣжность, съ которою каждая страна приходитъ къ соціалистическому строю, если ея развитіе совершается стихійно, безъ сознательнаго участія въ немъ какой-либо общественной группы. Только на извѣстной ступени экономическаго развитія общества, при достаточной зрѣлости его, возможно осуществленіе соціалистическаго идеала, и не только полное осуществленіе его, но и каждый шагъ къ нему возможенъ только какъ результатъ измѣненія въ отношеніи общественныхъ силъ въ странѣ какъ результатъ количественнаго или качественнаго увеличенія силы въ рабочемъ классѣ. Только черезъ сознаніе и волю самого народа могутъ воплотиться въ его жизнь какіе-либо принципы, и только извѣстныя экономическія условія обусловливаютъ прочную подготовку народнаго сознанія къ воспріятію соціалистическихъ идей. Параллельно съ экономическимъ развитіемъ страны идетъ ея политическая жизнь».

Политическія завоеванія совершаются активнымъ выступленіемъ значительной части населенія государства, таковой въ Россіи считается крестьянство. «Въ немъ еще живы,—говоритъ программа,—его старые традиціонные принципы—право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, свобода совѣсти и слова. Несмотря на значительное развитіе въ его средѣ мелкой буржуазіи, крестьянство еще прочно держится общиннаго владѣнія землей, а его несомнѣнная привычка къ коллективному труду даетъ возможность надѣяться на непосредственный переходъ крестьянскаго хозяйства въ форму, близкую къ соціалистической». При своей отсталости и неорганизованности крестьянство можетъ оказать только «безсознательную поддержку своимъ общимъ недовольствомъ». Второй и главной революціонной силой являются рабочіе,—«естественные носители соціалистическихъ идей» и проводники этихъ идей въ крестьянствѣ; они будутъ имѣть рѣшающее вліяніе при экономической и политической борьбѣ.

Роль дворянства, духовенства и бюрократіи пассивна, невелика сила и у нашей нарождающейся буржуазіи. Правительство опирается на армію и черезъ нее получаетъ самодержавное могущество, потому «необходимо имѣть на нее воздѣйствіе наравнѣ съ другими общественными группами». Передовой отрядъ въ политической борьбѣ—интеллигенція. Главныя силы партіи должны итти на воспитаніе и организацію рабочаго класса и улучшеніе народнаго хозяйства. «Но при существующемъ политическомъ режимѣ въ Россіи невозможна никакая часть этой дѣятельности» *).

---

*) Царь отчеркнулъ фразу и написалъ: «Это утѣшительно».

«Окончательныя требованія», необходимыя «для обезпеченія политической и экономической независимости народа и его свободнаго развитія», сводятся къ восьми пунктамъ:

«1) Постоянное народное представительство, выбранное свободно прямой и всеобщей подачей голосовъ безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности и имѣющее полную власть во всѣхъ вопросахъ общественной жизни.

«2) Широкое мѣстное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей.

«3) Самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы.

«4) Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и передвиженій.

«5) Національзація земли.

«6) Національзація фабрикъ, заводовъ и всѣхъ вообще орудій производства.

«7) Замѣна постоянной арміи земскимъ ополченіемъ.

«8) Даровое начальное обученіе» *).

Въ отстаиваніи минимума свободы террористы рѣшили дѣйствовать заодно съ либералами **). «Что же касается до соціалъ-демократовъ, то наши разногласія съ ними кажутся намъ очень несущественными и лишь теоретическими ... Они сводятся, по мнѣнію авторовъ проекта, къ тому, что фракція возлагаетъ «большие надежды на непосредственный переходъ народнаго хозяйства въ высшую форму и, придавая большое самостоятельное значеніе интеллигенціи, считаетъ необходимымъ и полезнымъ немедленное введеніе политической борьбы». На практикѣ же и террористы и соціалъ-демократы дѣйствуютъ во имя однихъ и тѣхъ же идеаловъ и одними тѣми же средствами, поэтому фракція убѣждена, что соціалъ-демократы «всегда будутъ ближайшими товарищами».

«Передовой, лучшей части русскаго общества ***), — продолжаетъ авторъ программы,—все дальше и дальше приходится отстоять отъ правительственныхъ начинаній. Между правительствомъ и интеллигенціей произошелъ разрывъ уже давно, пропасть увеличивается съ каждымъ днемъ. Въ борьбѣ съ революціонерами правительство пользуется крайними мѣрами устрашенія, поэтому и «интеллигенція вынуждена была прибѣгнуть къ формѣ борьбы, указанной правительствомъ, т.-е. террору ****). Терроръ есть, такимъ образомъ, столкновеніе правительства съ интеллигенціей, у которой отнимается возможность мирнаго культурнаго воздѣйствія на общественную жизнь». Чѣмъ сильнѣе будетъ гнетъ, тѣмъ чаще будутъ происходить «террористическіе факты и правительство будетъ оказываться въ этой борьбѣ все болѣе и болѣе изолированнымъ.

---

*) «Чистѣйшая комунна»,—пишетъ Александръ III, прочитавъ параграфы.

**) Резолюція Царя: «Къ сожалѣнію это уже давно и безъ того такъ».

***) Александръ III иронически восклицаетъ: «Дѣйствительно это все церы Россіи».

****) «Ловко»,—замѣчаетъ царь.

Успѣхъ такой борьбы несомнѣненъ» *). Терроръ долженъ дѣйствовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажетъ огромное психологическое воздѣйствіе: онъ подниметъ революціонный духъ народа, подорветъ обаяніе правительственной силы и подѣйствуетъ пропагаторскимъ образомъ на массы **). Фракція стоитъ за децентрализацію террористической борьбы: пусть волна краснаго террора разольется широко и по провинціи, гдѣ система устрашенія еще болѣе нужна, какъ протестъ противъ административнаго гнета.

Терроръ немедленно прекратится, если правительство удовлетворитъ минимумъ свободы и гарантируетъ выполненіе слѣдующихъ условій: «1. Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и передвиженій. 2. Созывъ представителей отъ всего народа, выбранныхъ свободно прямой и всеобщей подачей голосовъ, для пересмотра всѣхъ общественныхъ и государственныхъ формъ жизни. 3. Полная амнистія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ прошлаго времени».

Программу едва ли усвоили всѣ участники второго 1 марта. Нѣкоторые изъ нихъ не могли даже ее прочитать, такъ какъ она не была готова и даже къ 25 февраля не переписана набѣло. Ульяновъ читалъ проектъ въ этотъ день одному Осипанову на квартирѣ у Канчера ***). Рукопись, какъ показалъ Горкунъ отъ 4 марта, имѣла карандашныя помѣтки. «Канчеръ мнѣ сказалъ,—откровенничаетъ Горкунъ,—что Ульяновъ принесетъ программу для того, чтобы Осипановъ могъ повторить ее передъ судомъ».

II.

Образованію фракціи предшествовали событія, которыя содѣйствовали знакомству будущихъ ея членовъ, а при постоянно поддерживающемся между ними общеніи укрѣпляли это знакомство въ дружескую связь. Главари фракціи принадлежали къ петербургскому студенчеству, среди котораго, несмотря на полный общественный застой, билась кое-какая жизнь: существовали политическія организаціи невиннаго характера, похожія скорѣе на кружки самообразованія, работало подъ руководствомъ профессора О. Миллера «Научно-литературное общество» и влачили довольно жалкое полулегальное существованіе различныя землячества. Студенчество, стремившееся къ политикѣ и желавшее найти прямые отвѣты на проклятые вопросы, наполняло аудиторію В. И. Семев-

*) «Самоувѣренности много, отнять нельзя» отмѣчаетъ Александръ III на программѣ.

**) Лукашевичъ высказался о террорѣ нѣсколько по-другому: «Я считаю главной задачей всякой революціонной дѣятельности пропаганду и организацію, а неизбѣжный терроръ только, какъ содѣйствіе». Объясненіе 8 марта.

***) Лукашевичъ пишетъ, что программа читалась всѣмъ собравшимся, а съ Осипановымъ Ульяновъ «имѣлъ продолжительное собесѣдованіе по различнымъ политическимъ вопросамъ». «Былое», 1917 г., I, стр. 41.

скаго. «Когда онъ читалъ о крестьянскомъ движеніи XVIII ст. въ Россіи, то не только всѣ скамьи были заняты слушателями, но и проходы и окна. Такъ хотѣлось уроками прошлаго освѣтить темное настоящее», вспоминаетъ І. Д. Лукашевичъ *). И къ лекціямъ В. И. Семевскаго и къ студенческимъ организаціямъ, будь то музыкальный или литературный кружокъ, научное общество или просто собраніе земляковъ, «поставившее себѣ цѣлью» элементарнѣйшее удовлетвореніе запросовъ студенчества,—правительство относилось подозрительно и мало по малу выжило эту «крамолу» изъ университета **). Землячества перешли на нелегальное существованіе и впослѣдствіи приравнивались властью къ тайному революціонному сообществу. Въ землячествѣ каждый членъ дѣлалъ небольшой взносъ, изъ которыхъ составлялся капиталъ для поддержки нуждающихся товарищей; бывала при землячествѣ и библіотека, откуда брали нужный учебникъ, беллетристику, книжку толстаго журнала и нерѣдко послѣднюю новинку революціоннаго подполья—прокламаціи, листовки и брошюры. «Что дѣлать»—это своеобразное евангеліе шестидесятниковъ—было непремѣннымъ гвоздемъ земляческой библіотеки, а томъ Маркса, на котораго спросъ не ослабѣвалъ, окончательно упрочивалъ за библіотекой репутацію богатой и даже шикарной.

Въ началѣ 1886 года,—разсказываетъ М. В. Новорусскій, членъ новгородскаго землячества,—организовался союзъ землячествъ (какъ организовывался онъ, можетъ-быть, десятки разъ) ***), который среди другихъ своихъ цѣлей, какъ-то: саморазвитіе, касса, библіотека, выставлялъ, между прочимъ,—страшно сказать,—выработку сознательныхъ революціонеровъ. Я говорю объ этомъ съ нѣкоторой ироніей, потому что на самомъ дѣлѣ выработки никакой не было, а были изрѣдка собранія де-

---

*) «Воспоминанія». «Былое», 1917 г. I, стр. 29.

**) В. И. Семевскій прекратилъ чтеніе лекцій въ концѣ 1885 года. Студенты рѣшили поднести ему адресъ и предполагали 8 февраля устроить демонстрацію протеста,—въ концѣ концовъ отвергнуто. По этому поводу вышла прокламація; авторомъ ея полиція считала вольнослушателя С. Ашиткова, котораго и арестовала, а потомъ административно выслала. Адресъ В. И. Семевскому за подписью 600 человѣкъ отвезли на квартиру студенты Звѣревъ, С. А. Переселенковъ, А. И. Александринъ и др. «Голосъ Минувшаго», 1916 г. № 10 и Обзоръ XI, ч. II, стр. 14, 30 и 31.

***) Союзъ студенческихъ организацій, носившій различныя наименованія—Студенческій Союзъ, Общестуденческій Союзъ, Союзъ Землячествъ, Союзный Совѣтъ, образовывался не разъ въ городахъ съ высшими учебными заведеніями въ продолженіи 80, 90 и начала 900 гг. Союзный Совѣтъ начала 900-хъ годовъ игралъ немаловажную роль въ исторіи студенческихъ движеній. Въ то, приблизительно, время, когда организовался Союзъ Землячествъ, Департаментъ Полиціи ликвидировалъ Общестуденческій Союзъ. 19 мая 1886 г. Александръ III подписалъ членамъ его—Н. Аргунову, П. Соколову, В. Романовскому и др. административную высылку въ разныя мѣста Сибири и Европейской Россіи. Обзоръ VIII, стр. 29; IX, стр. 73, 120.

путатовъ отъ землячествъ, которыя проходили довольно вяло и безжизненно» *).

Слабую дѣятельность союза отмѣтилъ въ свое время и полицейскій надзоръ, слѣдившій за землячествами и видѣвшій въ нихъ благопріятную почву для развитія революціонной пропаганды. Однимъ изъ энергичнѣйшихъ организаторовъ союза былъ Петръ Яковлевичъ Шевыревъ **).

Для Шевырева союзъ былъ переходной ступенью къ настоящей революціонной дѣятельности. Изъ членовъ союза онъ предполагалъ выбрать подходящій элементъ, годный для будущей борьбы и готовый служить дѣлу революціи безъ страха и упрека. Своими мыслями онъ подѣлился съ I. Д. Лукашевичемъ, одобрившимъ его предположенія.

Осенью 1886 года организація начала дѣйствовать. Представителями землячествъ кромѣ Шевырева и Лукашевича оказываются Ульяновъ, Новорусскій и нѣкоторые другіе изъ тѣхъ лицъ, которымъ потомъ суждено было принимать участіе въ заговорѣ 1 марта ***).

Какъ ни старались объединить отдѣльныя ячейки главари союза, какъ не пытался оживить дѣятельность самого союза такой неутомимый человѣкъ, какъ Шевыревъ, результаты получались слабые. Слишкомъ

---

*) «Былое», 1906 г., IV, 68.

**) Шевыревъ, сынъ купца г. Харькова, родился 29 іюня 1863 г., прошелъ 3-ю Харьковскую гимназію и въ 1883 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ. Въ томъ же году онъ переходитъ въ университетъ родного города на естественный факультетъ, въ 1884 году по настоянію своего брата, боявшагося за здоровье П. Я. — у него была чахотка — снова пріѣзжаетъ въ сѣверную столицу, чтобы пользоваться совѣтами медицинскихъ знаменитостей. Несмотря на болѣзнь, подвижной, всегда тревожный и тревожащій, съ недюжинными организаторскими способностями, Шевыревъ былъ олицетворенная иниціатива. Въ его головѣ одинъ планъ слѣдовалъ за другимъ, который смѣнялся новымъ проектомъ. Революціонные взгляды, воспринятые Шевыревымъ на гимназической скамьѣ, требовали практической дѣятельности, звали на опасную дорогу борьбы съ правительствомъ. Окунувшись съ головой въ тайныя студенческія организаціи, Шевыревъ рѣшается вмѣстѣ съ немногими изъ своихъ товарищей осуществить объединеніе землячествъ и различныхъ студенческихъ кассъ.

***) Этимъ не ограничилась дѣятельность Шевырева. Пользуясь пожертвованіями, сборами съ концертовъ, онъ замышляетъ открыть студенческую столовую, о которой мечталъ еще въ 1885 г. товарищъ Шевырева О. М. Говорухинъ, попавшійся полиціи съ рукописнымъ уставомъ кухмистерской для учащихся. Въ золотыхъ рукахъ Шевырева столь заманчивый для студенчества планъ получаетъ осуществленіе. Въ октябрѣ 1886 г. онъ посвящаетъ въ него студента Канчера. «Мысль эта меня заняла», показывалъ впослѣдствіи на допросѣ Канчеръ, «и я началъ дѣятельно помогать Шевыреву въ устройствѣ кухмистерской; пріискана была Шевыревымъ хозяйка Викторія Клечинская, куплена мебель, нанята квартира на углу Средняго пр. и Тучкова переулка, и дѣла кухмистерской пошли полнымъ ходомъ и весьма успѣшно». Послѣ открытія столовая, выражаясь языкомъ оффиціальнаго обозрѣвателя, «сдѣлалась вскорѣ мѣстомъ сборищъ политически неблагонадежной молодежи».

...ника была реакція въ самомъ обществѣ, а студенчество—«барометръ общества»—отражало на себѣ подавленность и пассивность революціонныхъ и либеральныхъ круговъ. Единственно чѣмъ проявилъ себя союзъ, такъ это устройствомъ панихиды-демонстраціи на Волковомъ кладбищѣ въ 25-лѣтнюю годовщину смерти Н. А. Добролюбова. Полиція, конечно, знала объ этомъ раньше, приняла свои мѣры, и могилу критика 17 ноября увидѣла только небольшая депутація съ вѣнками. Демонстранты послѣ неудачи проникнуть на кладбище двинулись къ Невскому проспекту, чтобы итти къ Казанскому собору, но на Лиговкѣ были окружены казаками. Градоначальникъ, тогда имъ былъ Грессеръ, продержалъ студентовъ на лиговской грязи нѣсколько часовъ, арестовалъ болѣе строптивыхъ изъ протестующихъ, а остальныхъ ближе къ сумеркамъ распустилъ по домамъ. Человѣкъ пятнадцать изъ арестованныхъ полиція вскорѣ выслала *). Событіе 17 ноября всколыхнуло застоявшееся болото столичной жизни. Дня черезъ два, черезъ три послѣ демонстраціи союзъ выпускаетъ прокламацію. Въ составленіи ея и отпечатаніи несомнѣнно принимали участіе Шевыревъ, Лукашевичъ, Говорухинъ и Ульяновъ. Въ прокламаціи, хорошо оттектографированной на большомъ листѣ почтовой бумаги, подъ заглавіемъ «17 ноября въ Петербургѣ», союзъ сообщалъ обществу о произведенныхъ полиціей арестахъ и приглашалъ противопоставить правительственной силѣ силу **). Воззваніе раздавалось по рукамъ и высылалось почтой. Сохранился разсказъ Горкуна и Канчера, какъ 20 или 21 ноября Шевыревъ принесъ къ нимъ на квартиру пачку прокламацій, часть которыхъ была вложена въ конверты. Вечерѣ пришли Ульяновъ, Говорухинъ, студенты Горнаго института Голубятниковъ и Погребовъ ***). Справляясь по календарю, собравшіеся писали адреса на имя предводителей дворянства, предсѣдателей управъ, городскихъ головъ, профессоровъ, редакцій и общественныхъ дѣятелей. Наклеили принесенныя Ульяновымъ марки на конверты, и, выйдя изъ собранія, каждый изъ участниковъ, опустилъ воззванія въ почтовый ящикъ. При хорошо поставленныхъ черныхъ кабинетахъ, воззванія не дошли по назначенію и попали въ руки жандармовъ. Канчеръ на допросѣ могъ лицезрѣть нѣсколько конвертовъ, надписанныхъ его рукой. Подпольная литературная дѣятельность въ 1887 г. свелась къ нулю, поэтому прокламація, какъ и самое событіе 17 ноября

---

*) Описаніе демонстраціи см. «Былое», 1906 г., IV, 69; 1917 г., I, 28.

**) «Былое», 1917 г., I, 29. Эту фразу впослѣдствіи на судѣ оберъ-прокуроръ Неклюдовъ поставилъ въ вину Шевыреву.

***) Погребовъ Николай Ѳедоровичъ и Дмитрій Васильевичъ Голубятниковъ поплатились за участіе въ сходкѣ у Канчера ссылкой въ Архангельскую губернію, первый—тремя годами, второй—пятью, какъ уже привлеченный по дѣлу Бартенева и др. Обзоръ X и XII, 17, 68, 124 и 180.

была замѣтнымъ антиправительственнымъ выпадомъ *). Вступивъ на путь политической борьбы, союзъ въ лицѣ его дѣятельныхъ представителей понялъ, что останавливаться на полдорогѣ—это значитъ отказаться отъ активной борьбы съ правительственной властью. Такимъ настроеніемъ воспользовалась принимающаяся за работу фракція террористовъ. Ея организація шла параллельно слабой и неувѣренной дѣятельности союза, и Горкунъ со словъ Канчера на слѣдствіи заявилъ, что она въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже существовала. Сообщенія Горкуна мало грѣшатъ противъ истины. Къ началу 1886—7 учебнаго года Шевыревъ и Лукашевичъ оказались организаторами дѣла, и само собой вышло, что составили центральную группу фракціи.

Какъ химикъ, Лукашевичъ берется за приготовленіе метательныхъ снарядовъ, предоставляя Шевыреву организовывать боевыя группы. Центральный кружокъ—руководитель всего дѣла—рѣшилъ приступить къ образованію отдѣльныхъ боевыхъ ячеекъ, неизвѣстныхъ другъ другу и дѣйствующихъ каждая самостоятельно. Неудача одной изъ группъ могла быть исправлена выступленіемъ другой, третьей и т. д. Въ этомъ заключались «нѣкоторыя организаціонныя измѣненія въ постановкѣ террористическаго дѣла», о которыхъ намекнулъ въ показаніяхъ А. И. Ульяновъ.

Руководители старались вводить новыхъ лицъ съ большой осторожностью. Сначала они пользовались ими, какъ помощниками при незначительныхъ работахъ, давая возможность только подозрѣвать, что они находятся при дѣлѣ несомнѣнно революціонномъ. Болѣе преданнымъ предлагали принять участіе въ покушеніи, не называя лицо, на которое оно готовится, и не обнаруживая другихъ участниковъ заговора. Незадолго до покушенія члены боевой группы узнавали, кого рѣшено было устранить, и до послѣдняго времени не были освѣдомлены о всѣхъ членахъ организаціи.

«Вообще все дѣло велось злоумышленниками чрезвычайно конспиративно», — докладывалъ царю генералъ Оржевскій 9 марта, — и привлеченіе многихъ лицъ составляетъ весьма тонкій пріемъ, въ значительной степени затрудняющій разслѣдованіе. Исключительную конспиративность отмѣчаетъ и оффиціальный обозрѣватель революціоннаго движенія за 1887 г. Планъ покушенія былъ извѣстенъ лишь немногимъ руководителямъ, участники привлекались постепенно, какъ бы съ намѣреніемъ въ дѣло введено было больше людей, нежели того требовала

---

*) Изъ студенческихъ прокламацій отмѣтимъ еще одну, напечатанную въ форматѣ воззванія 17 ноября. Разсылалась прокламація по почтѣ и была озаглавлена: «Не можетъ гражданинъ спокойно смотрѣть на горе родины своей». Прокламація, подписанная «Студенты», приглашала товарищей къ большему общенію, сплоченности, образованію кружковъ, постановкѣ органа для изложенія своихъ взглядовъ и т. д.

необходимость; мало того, многіе участники и пособники до самой послѣдней минуты вовсе не знали другъ друга. Все это, очевидно, было сдѣлано съ цѣлью сбить съ толку полицію и затруднить слѣдствіе» *). Любопытно, что авторъ отчета о дѣлѣ 1 марта 1887 г., помѣщеннаго въ «Свободной Россіи» **), дѣлаетъ совершенно другіе выводы, опираясь на тѣ же факты. Указывая на отсутствіе конспираціи въ террористической группѣ, авторъ ставитъ въ вину руководителямъ, что о приготовленіяхъ знала масса народа, конспиративныя квартиры, способы сношенія революціонеровъ между собой и т. п. не выдерживаютъ самой слабой критики. Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Организація—дѣло такого мастера, какъ Шевыревъ,—была поставлена, судя по документамъ, строго конспиративно и образцово. Полиціи не удалось открыть многаго, несмотря на откровенныя показанія Горкуна и Канчера ***).

Дѣятельность центральной группы требовала прежде всего людей для исполненія главныхъ задачъ фракціи. Первой изъ нихъ было устраненіе Александра III. Въ представленіи революціонеровъ Александръ III —глава реакціи (какимъ онъ въ дѣйствительности и былъ), его смерть могла лишь порадовать свободолюбивую Россію и содѣйствовать проведенію новыхъ формъ государственной жизни. Въ глазахъ террористовъ фракціи Народной Воли Александръ III былъ обреченнымъ человѣкомъ ****).

Лукашевичъ и Шевыревъ въ концѣ октября или въ началѣ ноября мѣсяца пригласили въ организацію своего знакомаго Звѣрева *****), но онъ отказался отъ предложенія и рекомендовалъ имъ надежнаго человѣка, лично ему извѣстнаго Василія Степановича Осипанова. Лучшаго выбора главаря первой террористической группы фракція сдѣлать не могла.

Свиданіе съ Осипановымъ состоялось въ оранжереѣ университетскаго ботаническаго сада. Предъ Лукашевичемъ и Шевыревымъ предсталъ брюнетъ, невысокаго роста, коренастый, крѣпкаго сложенія; «судя

---

*) Обзоръ XII, стр. 27.

**) «Свободная Россія», 1889 г. 1 февраля.

***) Канчеръ на допросѣ 12 марта заявилъ: «Шевыревъ велъ себя вообще таинственно и не только не называлъ мнѣ лишнихъ именъ, но даже не упоминалъ въ разговорахъ со мной о существованіи революціонной партіи». Слѣдуя примѣру Шевырева, дѣйствовалъ и Канчеръ. «Гдѣ образовалась и существуетъ эта организація, гдѣ и кѣмъ приготовлялись снаряды, какое ихъ устройство, когда предполагалось покушеніе,—ничего этого Канчеръ мнѣ не сказалъ, и я не знаю,»—писалъ Горкунъ 3 марта.

****) Фракціи было предложеніе изъ Москвы убить Каткова, но она отъ этого плана отказалась, такъ какъ Катковъ никакого оффиціальнаго поста не занималъ. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 38.

*****) Звѣревъ, студентъ сибирякъ по рожденію, не былъ открытъ полиціей, и о его участіи мало кто зналъ изъ фракціи.

по чертамъ его лица, въ немъ можно было предполагать нѣкоторую примѣсь инородческой крови. Это былъ человѣкъ чрезвычайно осмотрительный, осторожный (давно онъ заслужилъ кличку «котъ»), но въ то же время твердый, рѣшительный и беззавѣтно преданный освободительному движенію. Это былъ идеальный типъ борца боевой дружины, у котораго не дрогнетъ рука въ рѣшительный моментъ и который не потеряетъ ни самообладанія, ни хладнокровія въ самую критическую минуту» *).

Родомъ изъ мѣщанъ города Томска **), Осипановъ въ 1870 г. поступилъ въ гимназію и одно время велъ дружбу съ ученикомъ реальнаго училища Б. Оржихомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ революціонеромъ. Въ 1881 году онъ студентъ Казанскаго университета, хорошо подготовленный теоретически къ общественнымъ вопросамъ и революціонеръ на практикѣ. Осипановъ участвуетъ въ студенческихъ организаціяхъ, привлекается въ 1882 г. къ дознанію о Красномъ Крестѣ Народной Воли и за посѣщеніе сходокъ исключается на годъ изъ университета. Въ 1883 году онъ снова въ Казани, осенью 1886 года переходитъ въ Петроградскій Университетъ и слушаетъ лекціи на IV курсѣ юридическаго факультета.

«Я по своимъ природнымъ наклонностямъ всегда чувствовалъ влеченіе къ пропагаторской дѣятельности,—заявилъ 5 апрѣля Осипановъ.—И я безъ сомнѣнія остался бы пропагандистомъ, если бы не внѣшнія невозможно стѣснительныя условія пропаганды, какъ и вообще всякой дѣятельности, несогласной съ видами правительства, хотя бы она не заключала въ себѣ ничего прямо революціоннаго, напримѣръ, устройство рабочихъ библіотекъ изъ дозволенныхъ цензурой книгъ и т. п. Преслѣдованія всѣхъ сколько-нибудь свободомыслящихъ людей, закрытія газетъ и журналовъ, политическіе процессы, въ которыхъ люди присуждаются къ тяжкимъ наказаніямъ и отчеты о которыхъ не даютъ сколько-нибудь обстоятельнаго понятія, за что осуждены эти люди, изъятіе изъ библіотекъ чуть не всѣхъ порядочныхъ книгъ, даже чисто научныхъ, какъ геологія Ляйэля, Агассица; стѣсненія, какимъ подвергается учащаяся молодежь—все это не могло не озлобить меня, такъ что я, наконецъ, пришелъ къ мысли самому совершить цареубійство».

«Лѣтомъ 1886 года рѣшеніе это настолько созрѣло, что я подалъ прошеніе въ С.-Петербургскій университетъ, куда и перешелъ осенью.

---

*) «Былое», 1917 г., № 2, стр. 130: «Передъ выходомъ на улицу,—говоритъ Новорусскій,—ему предложили на всякій случай яду. Онъ отказался, сказавъ, что сумѣетъ выдержать до конца. и онъ дѣйствительно выдержалъ. «Галлерея», стр. 221.

**) Осипановъ былъ самымъ старшимъ изъ террористической группы. Къ 1 марта 1887 года ему было 26 лѣтъ.

Я разсчитывалъ стрѣлять изъ пистолета съ отравленными мелкими пулями (или дробью) или изъ револьвера. Для этого я считалъ необходимымъ имѣть помощниковъ, которые бы слѣдили за выѣздами государя и дали мнѣ возможность выбрать удобный для произведенія покушенія моментъ. Съ цѣлью разыскать такихъ помощниковъ, я сталъ заводить знакомства. Поиски мои нѣкоторое время оставались тщетными, отчасти потому, что я потерялъ тѣ связи, на которыя надѣялся, отправляясь въ Петербургъ, но, наконецъ, уже въ исходѣ осени я узналъ, что два человѣка имѣютъ намѣреніе предпринять что-нибудь въ террористическомъ родѣ. Съ этими людьми я познакомился, и мы рѣшили сперва такъ, что я буду стрѣлять, и мнѣ будутъ даны помощники для слѣдженія за выѣздами государя, и если удастся найти другое лицо, согласное стрѣлять, то стрѣлять вдвоемъ. Рѣшили искать подходящихъ людей, но вскорѣ этотъ первый планъ нами былъ измѣненъ, разросся въ болѣе обширный заговоръ, въ которомъ принялъ участіе, между прочимъ, и я.

На свиданіи съ Осипановымъ планъ стрѣлять въ царя былъ отвергнутъ; рѣшили, что онъ выступитъ съ бомбой, а пока на него возлагалась задача хорошо изучить мѣстность у дворца. Осипановъ вскорѣ убѣдился въ невозможности нападать одному, поэтому заговорщики постановили организовать группу въ шесть человѣкъ—изъ трехъ метальщиковъ и трехъ развѣдчиковъ. Во главѣ первой группы, составленной изъ студентовъ, долженъ былъ дѣйствовать Осипановъ. Одновременно со студенческой боевой дружиной образовалась другая, рабочая, главаремъ ея согласился быть сознательный рабочій, извѣстный подъ именемъ Павла *), третья группа намѣчалась студентомъ Военной Медицинской Академіи С. А. Никоновымъ **), оказывавшимъ и раньше много цѣнныхъ услугъ фракціи. Большое участіе въ дѣлахъ террористовъ принимали также О. М. Говорухинъ ***) и М. И. Сосновскій ****). Нѣ-

---

*) Къ сожалѣнію, фамилія рабочаго не сохранилась въ памяти І. Д. Лукашевича. Не былъ ли имъ извѣстный въ революціонныхъ кругахъ развитой рабочій Павелъ Александровичъ Звѣревъ, не разъ привлекавшійся по политическимъ дѣламъ, въ маѣ 1886 года высланный изъ Петербурга и проживавшій тамъ конецъ года нелегально. О немъ см. Обзоръ за 1887 г., стр. 71, 72 и 122.

**) Причастность Сергѣя Андреевича Никонова къ дѣлу 1 марта такъ и осталась неизвѣстной правительству. Никоновъ привлекался во второй половинѣ 1887 г. по дѣлу о военно-революціонныхъ кружкахъ и административно былъ высланъ въ Восточную Сибирь на четыре года.

***) Орестъ Макаровичъ Говорухинъ, казакъ Донской Области, 1883 г. поступилъ на естественный факультетъ Петербургскаго университета, въ 1885 г. былъ привлеченъ въ СПБ. къ дознанію по дѣлу подпольной типографіи Буткова и Теселкина. Эмигрировавъ за границу, онъ проживалъ въ Женевѣ подъ фамиліей Комарова. О немъ см. ниже и въ Обзорѣ XI, стр. 47; XII, стр. 9, 17, 20, 21 и 27; XIII, 49.

****) Сосновскій, Михаилъ Ивановичъ, сынъ чиновника, уроженецъ Полтавской

которые изъ революціонно настроенной молодежи, преимущественно учащейся, помогали фракціи чѣмъ могли и умѣли *).

Для приготовленія бомбъ требовалось особое помѣщеніе, такъ какъ динамиту и гремучей ртути, въ готовомъ видѣ, достать было трудно. Лукашевичъ рѣшилъ устроить все самъ. Онъ добылъ большую часть динамита для трехъ бомбъ. На первыхъ порахъ ему приходилось приготовлять и азотную кислоту. Большую помощь Лукашевичу оказывалъ А. И. Ульяновъ, вступившій въ центральный кружокъ послѣ отъѣзда Шевырева, т.-е. только 17 февраля. До этого Ульяновъ, знакомый террористамъ по союзу землячествъ, принималъ самое большое участіе въ дѣлахъ фракціи **).

губ., въ 1882 г. студентъ Кіевскаго, а въ 1883 г. Петербургскаго университета, физико-математическаго факультета. См. о немъ ниже и Обзоръ XII, стр. 27, 71 и 110.

*) «Первымъ намъ предложилъ свои услуги,—говоритъ Лукашевичъ,—въ качествѣ прямого исполнителя террористическаго акта одинъ молодой человѣкъ С.». С. оказался болтливымъ и о своемъ рѣшеніи разсказалъ пріятелямъ. Фракція отказалась отъ его услугъ, и С. подъ благовиднымъ предлогомъ былъ удаленъ въ провинцію. Неудачна была и вторая попытка на покушеніе. Нѣкій георгіевскій кавалеръ взялся застрѣлить Александра III при пріемѣ кавалеровъ во дворцѣ. Но изъ этого ничего не вышло. Шевыревъ тотчасъ же прекратилъ съ нимъ сношенія. «Былое», 1917 г., I, стр. 27 и 28.

**) Александръ Ильичъ Ульяновъ—старшій братъ В. И. Ульянова, извѣстнаго теперь подъ литературнымъ псевдонимомъ «Ленинъ». Родился онъ въ Н.-Новгородѣ 31 марта 1866 года, съ 1869 г. остальную, немноголѣтнюю жизнь провелъ въ г. Симбирскѣ, гдѣ его отецъ сначала состоялъ инспекторомъ народныхъ училищъ, а съ 1874 года управлялъ дирекціей.

Отецъ А. И. Ульянова, Илья Николаевичъ, принадлежалъ къ исключительнымъ для того времени дѣятелямъ и оставилъ послѣ смерти огромное духовное наслѣдство и благодарную память въ Симбирскомъ краѣ. «Сынъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей изъ г. Астрахани,—по выраженію автора его некролога («Симб. Губ. Вѣд.» 1886 г., № 7),—И. Н. Ульяновъ достигъ положенія энергіей и горячей преданностью дѣлу. За 16 лѣтъ пребыванія въ качествѣ руководителя народнаго образованія Симбирской губерніи, онъ открылъ 434 школы съ 20,000 учащихся».

Въ атмосферѣ постояннаго и нервнаго труда, окруженный уголкомъ согласной семейной жизни, гдѣ такъ часто повторялось далеко не безразличное слово «народъ», воспитывался А. И. Ульяновъ. Въ 1874 году онъ поступаетъ въ мѣстную гимназію. Ульяновъ въ классѣ шелъ первымъ и, поглощенный занятіями по естественнымъ наукамъ, химію онъ изучилъ основательно и даже въ кухнѣ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ лабораторіи. Въ 1883 г. онъ кончилъ гимназію съ золотой медалью (за послѣдніе четыре года пребыванія Ульянова въ гимназіи директоромъ ея былъ Ѳ. М. Керенскій, отецъ А. Ѳ. Керенскаго).

Сестра Ульянова, Анна Ильинишна, прибывшая вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ и также привлеченная по дѣлу 1 марта, вспоминаетъ, что ея братъ «пріѣхалъ уже съ серьезной научной подготовкой, съ сильно развитой способностью къ самостоятельному труду, и прямо-таки страстно набросился на науку. Первые два года братъ жилъ очень замкнуто, видаясь лишь съ товарищами земляками, вмѣстѣ съ которыми имъ было основано скоро симбирское землячество. Занимался онъ

Выдѣлявшійся изъ обыкновенной студенческой среды, Ульяновъ въ глазахъ центральнаго кружка и близкихъ къ организаціи лицъ стоялъ весьма высоко и считался подходящимъ для фракціи дѣятелемъ и помощникомъ. Онъ не сразу согласился участвовать въ заговорѣ на жизнь Александра III. Съ нимъ ведутъ переговоры и Шевыревъ, и Говорухинъ, оба убѣждаютъ его вступить на путь революціонной работы и помочь имъ въ организаціи покушенія. Ульяновъ потомъ сознавался, что ему пришлось раза два или три говорить съ лицами, принимавшими активное участіе въ террористическомъ заговорѣ *). Въ концѣ концовъ всѣ мнѣнія сошлись на одномъ: «раньше осуществленія конечныхъ экономическихъ идеаловъ необходимо достичь предварительно извѣстнаго минимума политической свободы». И Ульяновъ, какъ и его товарищи, пришелъ къ заключенію, что единственное средство, могущее оказать сильное воздѣйствіе на русское правительство, есть систематическій терроръ. Разъ рѣшившись на что-нибудь, Ульяновъ уже не отступалъ назадъ и шелъ къ цѣли твердой и энергичной поступью. На его долю пало много работы опасной и отвѣтственной. Какъ дѣятель, онъ былъ противоположностью экспансивному Шевыреву. Здоровый физически, всегда сдержанный и спокойный, Ульяновъ работалъ не нервами, какъ его больной чахоткой предшественникъ по центральному кружку. Своими недюжинными способностями Ульяновъ импонировалъ окружающимъ, а чуткостью и искренностью завоевалъ симпатіи товарищей.

Понемногу росла новая организація. Добываніе азотной кислоты у Лукашевича шло весьма медленно, и къ первымъ числамъ января онъ могъ приготовить не болѣе трехъ фунтовъ динамиту. Къ этому времени Осипановъ уже выяснилъ, что выходить противъ царя одному невозможно; слѣдовало позаботиться и о новыхъ террористахъ. Тогда Шевыревъ по рекомендаціи Говорухина и Ульянова познакомился съ двумя студентами университета, Генераловымъ и Андреюшкинымъ **). Сначала

только естественными науками. Ульяновъ избралъ естественный факультетъ и спеціализировался по любимой имъ зоологіи. На третьемъ курсѣ онъ написалъ на заданную тему сочиненіе и получилъ золотую медаль. Въ послѣдній годъ жизни Ульяновъ много читаетъ по общественнымъ вопросамъ, знакомится съ трудами на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ по политической экономіи, по соціализму и по исторіи.

*) Показанія отъ 5 марта.

**) Внѣшность Пахома Ивановича Андреюшкина (родился въ 1861 г.) говорила объ его южномъ происхожденіи. Сынъ богатаго грека, оставившаго мать Пахома Ивановича съ ребенкомъ на рукахъ, воспитанникъ Кубанской войсковой гимназіи въ Екатеринодарѣ, онъ явился въ Петербургскій университетъ, на физико-математическій факультетъ осенью 1886 года. «Къ этому времени,—говорилъ на показаніи 7 марта Андреюшкинъ.—я уже имѣлъ вполнѣ сложившіяся революціонныя убѣжденія, въ

ихъ рѣшено было привлечь въ помощь Лукашевичу для добыванія азотной кислоты, не требующаго больших знаній *).

Предложеніе взять на себя обязанности метальщика Андреюшкинъ получилъ чрезъ своего товарища Генералова. Осторожно, взвѣшивая свои силы, совѣтуясь съ Ульяновымъ, Говорухинымъ и Шевыревымъ, брали оба террориста на себя тяжкую обязанность. Генераловъ еще въ началѣ января предложилъ фракціи «свои услуги на всякій террористическій фактъ» **).

Работа по добычѣ азотной кислоты шла медленно, они могли добывать не болѣе двухъ фунтовъ въ день. Рѣшено было пріобрѣсти кислоту въ готовомъ видѣ, использовавъ связи фракціи съ кружкомъ виленскихъ революціонеровъ.

Связи съ ними поддерживалъ Лукашевичъ, у котораго имѣлись адреса и пароль. Изъ студентовъ, товарищей Лукашевича, бравшихъ на себя исполненіе разныхъ порученій, особенно ему близкими были Гамолецкій ***) и Брониславъ Пилсудскій ****). Сношенія съ виленцами носили оживленный характеръ и, несомнѣнно, они уже въ январѣ догадывались, что петербургская группа предпринимаетъ что-то серьезное.

которыхъ я склонялся къ программѣ партіи Народной Воли, хотя къ самой партіи еще не принадлежалъ. Во второй половинѣ 1886 года я примкнулъ окончательно къ этой партіи».

*) Осипанова, кромѣ Лукашевича и Шевырева, никто изъ фракціи не зналъ. Съ Лукашевичемъ до послѣднихъ дней знакомы тоже были немногіе. Занимаясь выгонкой азотной кислоты, Генераловъ и Андреюшкинъ не знали, что они являются помощниками Лукашевича.

**) Василій Денисовичъ Генераловъ—товарищи звали его «Денисычъ»—былъ на годъ моложе Андреюшкина и разнился отъ него по характеру. Андреюшкинъ былъ романтическая натура, въ каждое дѣло онъ вкладывалъ свою восторженность и съ увлеченіемъ работалъ надъ задуманнымъ. Генераловъ обладалъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ, съ твердостью и рѣшительностью онъ шелъ на террористическій актъ. Происходилъ онъ изъ казаковъ станицы Потемкинской 2 округа, области Войска Донского. Въ 1878 году поступилъ въ Нижнечирскую прогимназію, аттестатъ зрѣлости получилъ въ 1886 г. въ Новочеркасскѣ. Въ Петербургскомъ университетѣ онъ состоялъ на юридическомъ факультетѣ.

***) Гамолецкій Константинъ Владиславовичъ, уроженецъ Ковенской губ., сынъ чиновника, кончилъ Виленскую гимназію, въ 1883 году поступилъ въ Петербургскій университетъ и вошелъ вмѣстѣ съ Лукашевичемъ и С. въ кружокъ польскихъ революціонеровъ. Въ томъ же году онъ попалъ на дурной счетъ у полиціи, и у Гамолецкаго произвели обыскъ. Участіе его во фракціи было третьестепеннымъ, что не помѣшало ему получить ссылку въ Тобольскую губернію на 4 года. Вернувшись домой, онъ эмигрировалъ въ Америку и примкнулъ тамъ къ анархистамъ. О немъ см. «Обзоръ» XII. «Былое», 1917 г., № 1, 23.

****) Пилсудскій, Брониславъ Іосифовичъ, изъ дворянъ Виленской губ., кончилъ V гимназію въ Петербургѣ въ 1886 г. Въ университетъ поступилъ на юридическій факультетъ.

Во главѣ революціоннаго виленскаго кружка стояли Исаакъ Дембо *), Антонъ Гнатовскій **) и Пашковскій Титъ ***). Антонъ Гнатовскій въ началѣ января по своимъ дѣламъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и террористы у него просили достать въ Вильно стрихнинъ, атропинъ и [illegible]. Брониславъ Пилсудскій, гостившій въ это время дома, по просьбѣ Дембо нашелъ немного яду у знакомаго провизора и принялъ порученіе отвезти его въ Петербургъ. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга спеціально посланный за азотной кислотой, ядомъ и деньгами Канчеръ.

Азотная кислота оказалась совершенно негодной. Для выдѣлки динамита требовалась крѣпость не менѣе 45°, а въ присланной было всего только 35°. Кислоту заговорщики спустили въ Неву. Старый способъ приготовленія кислоты нашли болѣе удобнымъ. Генералову и Андреюшкину пришлось продолжать уже начатое дѣло.

Заговорщики видѣли, что нужно торопиться. У нихъ къ началу февраля ничего еще какъ слѣдуетъ не было готово, въ боевой группѣ прежде всего не хватало развѣдчиковъ. Между тѣмъ они узнали объ отъѣздѣ императора 3 марта въ Гатчину и о предполагаемомъ путешествіи царской семьи на югъ Россіи. Шевыревъ буквально горѣлъ на организаціи покушенія, онъ не могъ ни заниматься, ни читать, все время торопилъ и приказывалъ вести дѣло какъ можно скорѣе. Осторожный, спокойный Ульяновъ совѣтовалъ не торопиться, отложить развязку до осени; Шевыревъ съ нимъ не соглашался. Другіе, какъ Говорухинъ, были на сторонѣ Шевырева. Поспѣшность исполненія заставила Шевырева

---

*) Дембо, Исаакъ Вульфовичъ, уроженецъ г. Поневѣжа, Ковенской губ., р. въ 1863 г., учился въ V гимназіи, курса не окончилъ, одно время былъ фармацевтомъ. За пропаганду среди столичныхъ рабочихъ въ 1884 г. онъ привлекался къ дознанію. Съ арестомъ первомартовцевъ онъ эмигрировалъ въ Цюрихъ, гдѣ проживалъ подъ фамиліей Бринштейна. Здѣсь Дембо проявилъ себя дѣятельнымъ революціонеромъ, старался оживить революціонную работу, завести связи съ Россіей и возобновить терроръ. Поѣздка С. Гинсбургъ, окончившаяся неудачей, въ значительной степени дѣло рукъ Дембо. 6 марта (стар. стиля) Дембо случайно былъ убитъ при взрывѣ бомбы. Его смерть надѣлала много хлопотъ швейцарской полиціи и повлекла высылку нѣкоторыхъ эмигрантовъ изъ Цюриха. Обзоръ XII, XIII, XIV.

**) Гнатовскій, Антонъ Доминиковичъ, 24 лѣтъ, дворянинъ Виленской губ., воспитывался въ Виленскомъ техническомъ училищѣ. Въ 1882 г. привлекался въ Вильно за пропаганду и отданъ былъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Послѣ неудачи 1 марта вмѣстѣ съ Дембо жилъ въ Цюрихѣ подъ фамиліей Прекера. Послѣ смерти своего товарища поселился въ Парижѣ, гдѣ энергично занимался революціонными дѣлами и оставался подъ бдительнымъ надзоромъ заграничной полиціи. Обзоры III, V, XII, XIII, XV.

***) Пашковскій, Титъ Ильичъ, р. около 1860 года, изъ дворянъ Ковенской губ. Въ 1880 году выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго ученика при Минской гимназіи. Въ 1884 г. за распространеніе прокламацій получилъ два года надзора.

ввести въ курсъ дѣла людей мало революціонныхъ, изъ зеленой студенческой молодежи и даже случайныхъ, какъ Волоховъ. Ульянову жаловался на это Говорухинъ и не ждалъ добра отъ еще не окрѣпшихъ юнцовъ. Предостереженія его оказались не напрасными.

Шевыревъ переоцѣнилъ силы Канчера. Онъ его считалъ вполнѣ подходящимъ для дѣла человѣкомъ и рѣшилъ привлечь его ближе. Если довѣрять показаніямъ Канчера, дѣло обстояло такъ. Числа 9—10 февраля онъ узналъ о готовящемся покушеніи, и Шевыревъ предложилъ ему участвовать въ немъ. Годный на мелкія порученія, незамѣнимый исполнитель, Канчеръ, видимо, тутъ оробѣлъ и нѣсколько уклончиво отвѣтилъ Шевыреву, что не знаетъ ихъ убѣжденій, мало читалъ и считаетъ себя совершенно неподготовленнымъ. Шевыревъ успокоилъ его: роль Канчера будетъ пассивная, и онъ ничѣмъ не рискуетъ, и Канчеръ далъ свое согласіе.

Вторымъ развѣдчикомъ пригласили товарища и сожителя Канчера по квартирѣ Петра Горкуна *). Его рекомендовалъ Канчеръ, чувствуя, что Горкунъ о многомъ догадывается. А догадаться было нетрудно. Постоянныя посѣщенія незнакомыхъ или мало знакомыхъ лицъ, таинственные переговоры шопотомъ въ другой комнатѣ возбуждали любопытство Горкуна, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ Шевырева, какъ виднаго дѣятеля среди студенчества.

О разговорѣ Канчера съ Шевыревымъ, подслушанномъ Горкуномъ, послѣдній такъ повѣствуетъ въ показаніяхъ. «Всего разговора мнѣ слышать не удалось, но удалось поймать нѣсколько фразъ, въ которыхъ употреблялось слово «покушеніе», которое и навело меня на нѣкоторыя соображенія, а затѣмъ тотъ же господинъ **) просилъ Канчера не посвящать въ это дѣло меня, но Канчеръ, какъ мнѣ показалось, сказалъ, что, насколько онъ меня знаетъ,—меня остерегаться не нужно». Въ этотъ день или на другой Канчеръ послѣ нѣкотораго колебанія и замѣшательства повѣдалъ Горкуну о существованіи террористической фракціи, о покушеніи на царя и о своемъ участіи въ заговорѣ. Предварительно онъ сказалъ Горкуну, что ему вѣритъ и на его скромность надѣется.

---

*) Михаилъ Никитичъ Канчеръ и Петръ Степановичъ Горкунъ были земляками, оба они уроженцы Полтавской губ. Канчеръ сынъ почтмейстера г. Умани, въ 1874 году поступилъ въ Лубенскую гимназію, былъ одно время въ Полтавской гимназіи, въ Лубенской держалъ экзаменъ экстерномъ въ 1886 г. Осенью поступилъ въ Петербургскій университетъ. Къ 1 марта 1887 года ему было 21 годъ, а его товарищу Горкуну 20. Горкунъ, сынъ майора, воспитанникъ Лубенской гимназіи, въ университетѣ состоялъ на юридическомъ факультетѣ. О нихъ Обзоръ XII, а также въ воспоминаніяхъ Лукашевича.

**) Въ показаніяхъ 3 марта Горкунъ не называетъ Шевырева по фамиліи, какъ это дѣлаетъ 4 марта, а только описываетъ: «Какой-то господинъ, выше средняго роста, съ свѣтлой небольшой бородкой, въ очкахъ».

Послѣ разговора Горкунъ далъ согласіе наблюдать за выѣздами императора.

Канчеръ посовѣтовалъ привлечь къ общему дѣлу и Волохова *). Сначала Волоховъ исполнялъ разныя мелкія порученія, а числа 16 или 17 февраля принялъ на себя обязанности развѣдчика. Къ 20 февраля боевая группа вполнѣ сорганизовалась.

Въ первыхъ числахъ февраля Лукашевичъ имѣлъ около 10 фунтовъ динамита, но, по его разсчету, для трехъ бомбъ необходимо было не менѣе 13. Дальнѣйшей работѣ помѣшали непредвидѣнныя обстоятельства. На квартиру, въ которой приготовлялся динамитъ, почему-то обратило вниманіе сыскное отдѣленіе. Продолжать занятія при такихъ условіяхъ было рискованно, и Лукашевичъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ предложили Ульянову найти помѣщеніе и тамъ изготовить недостающее количество динамита. Ульяновъ обратился черезъ своего товарища В. К. Агафонова **) къ Новорусскому съ просьбой предоставить на время свою квартиру.

Въ разговорѣ Новорусскій, между прочимъ, указалъ, что на-дняхъ онъ переѣзжаетъ въ Парголово, гдѣ квартира стоитъ дешевле, и заниматься тамъ ему будетъ несравненно удобнѣе. Хозяйкой квартиры была М. А. Ананьина ***). Ульяновъ нашелъ парголовскую квартиру подходящей для своихъ цѣлей. Новорусскій заручился согласіемъ М. А. Ананьиной и предложилъ Ульянову отправить лабораторію вмѣстѣ со своей кухонной посудой.

12 февраля Ульяновъ отправился въ Парголово и въ 2—3 дня приготовилъ нитроглицеринъ. Дѣла фракціи требовали его присутствія въ городѣ, и Ульяновъ, попросивъ М. А. Ананьину сохранить лабораторію и нѣсколько унцій нитроглицерина, уѣхалъ обратно въ Петер-

---

*) Волоховъ Степанъ Александровичъ изъ мѣщанъ г. Лохвицъ, Полтавской губ., учился въ Лубенской гимназіи, но курса тамъ не кончилъ.

**) Агафоновъ Валеріанъ Константиновичъ, минералогъ и писатель, родился въ Лѣсномъ, около Петербурга, въ 1863 году, въ то время студентъ физико-математическаго факультета, остался внѣ подозрѣній по дѣлу 1 марта. Въ 1889 году онъ кончилъ университетъ, въ 1903 г. защитилъ магистерскую диссертацію и одно время состоялъ приватъ-доцентомъ въ Спб. университетѣ. Послѣ 1905 г. эмигрировалъ за границу. Его перу принадлежитъ рядъ научно-популярныхъ статей въ журналѣ «Міръ Божій» («Современный Міръ»).

***) Ананьина Марія Александровна родилась въ 1849 году, воспитывалась въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, въ Парголовѣ занимала мѣсто земской акушерки. Дочь ея, Лидія Ивановна, род. 1868 г., училась первоначально въ Парголовской земской школѣ, затѣмъ въ Маріинской гимназіи, съ 1885 года слушала курсы земской Учительской семинаріи. По окончаніи дѣла 1 марта получила административную ссылку въ Западную Сибирь на пять лѣтъ. Въ ссылкѣ вышла замужъ за Бородзича. Одно время Л. И. работала въ провинціальныхъ газетахъ и состояла отвѣтственнымъ редакторомъ «Русскаго Богатства».

бургъ *). Для Новорусскаго, когда онъ переселился на новую квартиру, оставленныя вещи были «сюрпризомъ». О покушенiи онъ догадывался, но «какъ человѣкъ, стоящiй внѣ организацiи», пишетъ Новорусскiй, «я считалъ совершенно неумѣстнымъ обращаться къ Ульянову съ какими бы то ни было разспросами о подробностяхъ». За свое косвенное и мимолетное участiе М. В. Новорусскiй, какъ извѣстно, жестоко поплатился.

Замыселъ террористовъ приближался къ развязкѣ; поэтому тѣмъ, кто состоялъ въ дружескихъ отношенiяхъ съ участниками покушенiя и кто принималъ хотя бы самое отдаленное участiе въ дѣлахъ фракцiи, грозило безпощадное преслѣдованiе со стороны правительства. Товарищамъ пришлось взять на себя заботу освободить такихъ лицъ отъ незаслуженнаго ими наказанiя. Къ дѣламъ террористовъ, а въ особенности къ нѣкоторымъ изъ членовъ фракцiи, близки были О. М. Говорухинъ и Н. А. Рудевичъ, гимназическiй товарищъ Андреюшкина, носившiй кличку среди одноклассниковъ „Cujunt". Какую роль игралъ Рудевичъ въ замыслѣ, можно только догадываться. Онъ не бралъ на себя ничего опредѣленнаго, дѣлалъ то, что было нужно сейчасъ, въ данную минуту. Коротал время вмѣстѣ съ прiятелями за скучнымъ приготовленiемъ азотной кислоты, переносилъ матерiалъ, однимъ словомъ, былъ «пособникомъ» и необходимымъ въ организацiи человѣкомъ. Гораздо больше значилъ Говорухинъ. Поднадзорный, дѣятельный революцiонный работникъ, принимавшiй участiе въ обсужденiи многихъ плановъ террористической организацiи, Говорухинъ былъ въ курсѣ дѣлъ заговора 1 марта 1887 года. Его совѣты цѣнилъ Шевыревъ, имѣлъ онъ влiянiе и на Ульянова. У него на квартирѣ находилась часть матерiаловъ для

---

*) Около 28 февраля Лукашевичъ послалъ въ Парголово бутыль съ азотной кислотой, оказавшейся лишней. Къ сожалѣнiю, память I. Д. Лукашевича не сохранила фамилiю отвозившаго; извѣстно только, что имъ былъ студентъ-юристъ IV курса. На слѣдствiи жандармы домогались узнать фамилiю этого лица; одно время ихъ сбило показанiе брата Новорусскаго, мальчика 10 лѣтъ, — они подозрѣвали Б. Пилсудскаго. Потомъ подозрѣнiе на Б. Пилсудскаго отпало. Невольнымъ виновникомъ этого оказался М. В. Новорусскiй. Когда онъ былъ въ предварилкѣ, къ нему подсадили предателя Остроумова, и тотъ, пользуясь наивностью Новорусскаго въ дѣлахъ тюремныхъ и политическихъ, разспрашивалъ подробности о процессѣ. Не предполагая ничего злостнаго, Новорусскiй былъ откровененъ съ нимъ. Однажды Остроумовъ далъ знать, что у него есть сосѣдъ, который знаетъ Новорусскаго. Предполагая въ немъ лицо, привозившее кислоту, Новорусскiй просилъ Остроумова передать поклонъ и сказать одно слово: «бутыль». Этого было достаточно, чтобы сидѣвшiй съ Остроумовымъ сосѣдъ—имъ оказался Арсенiй Хлѣбниковъ, студентъ университета—получилъ 5 лѣтъ Восточной Сибири «за сношенiя съ участниками дѣла 1 марта 1887 г.». Хлѣбниковъ по выходѣ Новорусскаго изъ Шлиссельбурга узналъ, почему онъ получилъ такое большое наказанiе, и кто невольно ему «удружилъ». О Хлѣбниковѣ см. «Обзоръ» XII, примѣчанiе 3, на стр. 47.

лабораторіи, въ которыхъ хозяйничали и Шевыревъ, и Андреюшкинъ, и Канчеръ. Въ комнатѣ рядомъ съ Говорухинымъ проживала курсистка Раиса Шмидова *), хорошо освѣдомленная въ дѣлахъ Говорухина, свой человѣкъ въ революціонной средѣ и помогавшая террористамъ въ ихъ начинаніяхъ. Въ серединѣ февраля рѣшено было, что Говорухинъ и Рудевичъ скроются за границу. Первымъ выѣхалъ Рудевичъ **).

Нервная, напряженная работа, приближающаяся петербургская весна и постоянныя волненія пошатнули и безъ того слабое здоровье Шевырева. Его родные настаивали на немедленномъ отъѣздѣ въ Крымъ. Приходилось бросать совершенно налаженное дѣло и, не доведя его до конца, покинуть столицу. Онъ обращался къ Канчеру съ просьбой не отказываться отъ порученій Лукашевича, знакомаго Канчеру до сихъ поръ лишь заочно, и, посовѣтовавшись съ Лукашевичемъ, предлагалъ войти Ульянову въ центральную группу руководить боевой организаціей. **Ульяновъ согласился.**

III.

Боевая группа была вполнѣ сорганизована, снаряды были готовы, но никто изъ членовъ не зналъ ея руководителя Осипанова. О своемъ знакомствѣ съ нимъ Генераловъ на допросѣ разсказывалъ: «Третьяго метальщика, Осипанова, я увидѣлъ въ первый разъ 21 или 22 февраля въ кондитерской по правой сторонѣ Михайловской улицы, если итти съ Невскаго проспекта. Я пошелъ въ эту кондитерскую съ Андреюшкинымъ; для того же, чтобы узнать тамъ Осипанова, мы должны были явиться въ 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Осипановъ долженъ былъ сидѣть за столомъ и пить кофе, а на столъ положить шапку и въ ней бѣлый платокъ и гильзу; я съ Андреюшкинымъ должны были помѣститься поближе къ столу Осипанова и при удобномъ случаѣ спросить у него, который часъ; онъ долженъ былъ отвѣчать съ прибавленіемъ фразы: «Но мои часы отстаютъ на 13 минутъ». Когда мы все это продѣлали, то Осипановъ вышелъ изъ кондитерской и отправился пѣшкомъ на Васильевскій островъ, а мы слѣдовали за нимъ и сошлись вмѣстѣ

*) Шмидова Раиса (Ревекка) Абрамовна, род. въ 1864 году въ Мелитополѣ, Таврической губ., акушерка-фельдшерица по профессіи, въ Петербургѣ училась сначала на Калинкинскихъ, а потомъ на Фребелевскихъ курсахъ. О ней Обзоръ XII, стр. 20, 79, 108 и 161 и ниже.

**) Рудевичъ Николай Авксентьевичъ, р. 1865 г., сынъ полицеймейстера г. Ейска, воспитывался въ Кубанской войсковой гимназіи. Въ университетѣ былъ на естественномъ факультетѣ. За границей жилъ въ Цюрихѣ подъ фамиліей «Полозова» вмѣстѣ съ Рапопортомъ и Рейнштейномъ, редактировалъ газету «Соціалистъ». О немъ Обзоръ XII, стр. 9, 20, 21, 27, 81 и 106; XIII, стр. 44; XIV, стр. 55; XV, стр. 4, 6 и 56 и ниже.

на улицѣ за зданіемъ университета. Здѣсь мы обсуждали планъ посягательства на жизнь государя императора и въ общемъ результатѣ рѣшили выполнить это въ слѣдующіе за тѣмъ дни на Невскомъ проспектѣ, такъ какъ здѣсь было больше вѣроятности видѣть проѣздъ государя, чѣмъ на другихъ улицахъ *). Свѣдѣнія же о дняхъ предполагавшихся проѣздовъ государя мы ожидали получить отъ другихъ соучастниковъ». Въ случаѣ неудачи съ бомбой, Генераловъ долженъ былъ стрѣлять изъ пистолета отравленными пулями **).

На 25 февраля назначили собраніе метальщиковъ и развѣдчиковъ на квартирѣ у Канчера, чтобы выработать общій планъ, сговориться и больше познакомиться другъ съ другомъ. На совѣщаніе пришли Андреюшкинъ, Генераловъ, Волоховъ, Осипановъ и Ульяновъ. «Предполагалось,—разсказываетъ Горкунъ,—выходить изъ дома къ одиннадцати часамъ утра на Невскій проспектъ, по которому ходить въ слѣдующемъ порядкѣ: по правой сторонѣ Невскаго проспекта, считая отъ Адмиралтейской площади, должны были итти я, за мной Канчеръ, за Канчеромъ «Котъ» со снарядомъ въ формѣ книги; по лѣвой сторонѣ въ то же время параллельно съ нами—Волоховъ, Андреюшкинъ и Генераловъ, послѣдніе двое со снарядами. Дойдя до Публичной библіотеки, они поворачиваютъ назадъ; впереди идетъ «Котъ» со снарядомъ, за нимъ Канчеръ, за Канчеромъ я, за мной Волоховъ, который для этого переходитъ на нашу сторону ***); Андреюшкинъ и Генераловъ со снарядами идутъ по той же лѣвой сторонѣ. Кажется, они должны были бросать снаряды первыми ****). Порядокъ этотъ не былъ окончательно установленъ на сходкѣ. Болѣе всѣхъ на этой сходкѣ говорилъ Ульяновъ, который и сообщилъ намъ между прочимъ, что снарядъ «книга» слабѣе снарядовъ, брошенныхъ 1 марта 1881 года, но что онъ разброситъ на сажень. Въ то время, когда разговоры относительно порядка хожденія на Невскомъ еще продолжались, Ульяновъ вышелъ съ Осипановымъ («Котъ») въ другую комнату и разъяснялъ ему, кажется, устройство снаряда «книги». Я предполагаю это потому, что «Котъ» говорилъ Ульянову тутъ же при мнѣ, что нехорошо знакомъ съ устройствомъ снаряда-

*) 1 марта Генераловъ говорилъ, что они ждали царя и на Морской, собираясь убить его при слѣдованіи въ Исаакіевскій соборъ.

**) Пистолета онъ съ собой не взялъ, считая его плохимъ. У Андреюшкина при арестѣ отобрали револьверъ, который, какъ онъ объяснилъ, имѣлъ только для самозащиты.

***) Развѣдчики давали знакъ метальщикамъ о приближеніи царя — «высморкавъ бѣлымъ платкомъ носъ». Показанія Канчера отъ 4 марта.

****) Метальщики рѣшили бросать бомбы, когда тому представится случай, не соблюдая очереди. Показанія Андреюшкина 7 марта.

[illegible], послѣ чего Ульяновъ ушелъ съ Осипановымъ въ другую комнату и чертилъ ему что-то» *).

---

*) Снарядъ Осипанова имѣлъ видъ книги въ крѣпкомъ переплетѣ изъ толстой папки, покрытой бумагой зелено-мраморнаго цвѣта. На корешкѣ было тисненіе «Терминолог. медицинскій словарь Гринберга». Внутренность книги приготовлявшій бомбу Лукашевичъ вырѣзалъ, предварительно склеивъ листы между собой. Края листовъ онъ укрѣпилъ шестью винтами съ трехъ сторонъ,—въ образовавшееся внутри пустое пространство была вставлена папковая коробка, а въ нее помѣщена въ видѣ плоскаго продолговатаго четырехугольника жестяная коробка. Двѣ другія бомбы отличались только по формѣ: онѣ были овально-цилиндрическія, вершковъ 6 высоты, въ папковой обложкѣ, оклеенной чернымъ коленкоромъ. Въ картонный футляръ вставлялся жестяной цилиндръ, при чемъ во всѣхъ трехъ бомбахъ между футлярами и оболочкой образовывался промежутокъ пальца въ полтора шириной. Промежутокъ заполнялся свинцовыми жеребейками кубической формы, начиненными стрихниномъ и пересыпанными просомъ. Въ цилиндрахъ свинчатокъ было въ одномъ 251 штука, 204 въ другомъ, а въ снарядѣ-книгѣ 86.

Бомбы, точнѣе запалы, отступали по своему устройству отъ конструкціи метательныхъ снарядовъ 1 марта 1881 года, изобрѣтенныхъ Кибальчичемъ и Исаевымъ. Запалъ снарядовъ 1 марта 1881 года былъ устроенъ нѣсколько иначе; въ бомбахъ Лукашевича трубочекъ не было, ихъ замѣняли стеклянная вата и перегородка изъ бумаги. Усовершенствовалъ ихъ І. Д. Лукашевичъ.

Запалъ имѣлъ видъ трубки (запалъ снаряда книги былъ приготовленъ по тому же принципу, и походилъ на букву Т съ маленькой пояской, въ которой помѣщалась гремучая ртуть и часть бумажнаго стопина), дѣлившейся на двѣ части бумажной перегородкой, которая была пропитана парафиномъ. Въ трубкѣ—по одну сторону перегородки помѣщалась смоченная въ сѣрной кислотѣ стеклянная вата, подвѣшенная на платиновой проволокѣ къ обыкновенной пробкѣ, закрывавшей отверстіе запала. Во второй части запальной трубки, по другую сторону бумажной перепонки, насыпался бѣлый порохъ, приготовленный изъ сахара и бертолетовой соли въ видѣ крупныхъ зеренъ (скорѣе—четырехугольничковъ) безъ всякой примѣси пороховой мякоти. Отъ пороха шелъ фитиль (бумажный стопинъ), соприкасавшійся съ гремучей ртутью; бумажная перегородка имѣла шнуръ, который былъ пропущенъ черезъ стеклянную трубку (во избѣжаніе соприкосновенія съ сѣрной кислотой) и выходилъ наружу. Для взрыва снаряда требовалось дернуть за шнурокъ, прорвать перегородку, затѣмъ нужно было такъ бросить бомбу, чтобы зерна пороха въ запалѣ посыпались на стеклянную вату—соприкосновеніе давало вспышку, и огонь черезъ стопинъ сообщался съ гремучей ртутью. Отъ взрыва послѣдней произойдетъ взрывъ динамита, которымъ была наполнена жестянка снаряда. Всего въ трехъ бомбахъ динамиту оказалось 12 фунтовъ. Сфера дѣйствія снарядовъ достигала двухъ саженъ въ діаметрѣ, а съ разлетомъ пуль 20 саженъ.

Для осмотра бомбъ и отобранныхъ при обыскахъ веществъ жандармы пригласили профессора артиллерійской академіи Ѳедорова. При экспертизѣ снарядовъ Ѳедоровъ попробовалъ содержимое пуль на языкъ и почувствовалъ себя дурно. Благодаря принятымъ мѣрамъ профессоръ пришелъ въ себя. Мин. вн. дѣлъ счелъ нужнымъ объ этомъ случаѣ сдѣлать докладъ Александру III. Царь поставилъ резолюцію: «Слава Богу, что онъ отдѣлался такъ дешево». По заключенію эксперта, оболочки приготовлены неумѣло—«ихъ дѣлалъ повидимому не техникъ, а химикъ».

На собраніи 25 февраля, по предложенію Осипанова, рѣшили выйти на Невскій проспектъ въ 11 часовъ слѣдующаго дня *). Аккуратно въ назначенное время метальщики и развѣдчики явились на заранѣе намѣченныя мѣста, но планъ ихъ оказался явно несостоятельнымъ. При большомъ движеніи на улицѣ, заговорщики постоянно теряли другъ друга изъ виду. Метальщики ходили по проспекту сначала отдѣльно, а потомъ сошлись вмѣстѣ, совершенно позабывъ о конспираціи и объ исполненіи выработаннаго плана. Андреюшкинъ и Генераловъ носили снаряды на тесемкѣ чрезъ плечо подъ пальто, Осипановъ держалъ книгу-бомбу подъ мышкой **).

Въ 2 часа дня террористовъ уже на Невскомъ не было. Осипановъ чрезъ Канчера далъ распоряженіе 27 февраля развѣдчикамъ на Невскій проспектъ не выходить. Въ этотъ день на мѣстѣ были только Генераловъ и Осипановъ, Андреюшкинъ занимался чинкой испортившагося запала. Метальщики прошли разъ по Невскому, зашли въ кофейную, выпили по стакану кофе и разошлись по домамъ. Въ 11 часовъ слѣдующаго дня вся боевая группа была налицо, пробовала ходить въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено, но изъ этого ничего не вышло. «Въ этотъ день,— показывалъ потомъ Горкунъ,— я вышелъ часовъ въ 11 утра и видѣлъ на Невскомъ Канчера, Волохова, Осипанова и Андреюшкина. Ходили мы по Невскому въ условленномъ порядкѣ. Но затѣмъ я потерилъ изъ виду Канчера и Осипанова, вслѣдствіе чего перешелъ на другую сторону Невскаго. Тутъ ко мнѣ подошелъ Андреюшкинъ и сказалъ мнѣ, что кромѣ меня и Волохова никого изъ насъ не видитъ. На это я отвѣчалъ ему, что въ виду этого слѣдуетъ итти домой. Тогда Андреюшкинъ повернулъ въ какую-то улицу, а я съ Волоховымъ пошлл домой» ***).

Раздѣлавшись со своими обязанностями химика, приготовивъ нужное количество нитроглицерина, Ульяновъ послѣ отъѣзда Рудевича и Говорухина за границу, а Шевырева въ Крымъ, торопился съ печатаніемъ программы фракціи террористовъ. Шрифтъ типографіи хранился у Генералова. Возможно, что у него происходилъ и самый наборъ «проекта». Для печатанія, по рекомендаціи Лукашевича, выбрали квартиру Б. Пилсудскаго. По заявленію Ульянова, печатаніе первой части программы началось послѣ 15 февраля, вторую же только приготовили къ печати. По условію съ Пилсудскимъ, Ульяновъ долженъ былъ явить-

---

*) Царя ждали въ Исакіевскій соборъ, но онъ такъ и не пріѣхалъ.

**) Впослѣдствіи Генераловъ нашелъ, что привѣшенная такимъ образомъ бомба мѣшаетъ ему; онъ отломилъ дужку, къ которой была привязана тесемка, и носилъ снарядъ, какъ Осипановъ.

***) Генераловъ разсказалъ на допросѣ 5 марта, что метальщики 28 февраля ходили отъ 11 до 4 дня. За это время они успѣли пообѣдать въ ресторанѣ.

ся съ паролемъ: «Мы за спѣшнымъ дѣломъ, не можете ли пособить», на что слѣдовало отвѣтить: «можемъ помочь». 28 февраля Ульяновъ явился къ Б. Никифорову съ двумя неизвѣстными ему молодыми людьми *). лѣтъ 20—22, средняго роста, безъ бороды; одинъ изъ нихъ былъ блондинъ, другой шатенъ, оба были въ штатскомъ платьѣ. «Они принесли съ собой разныя типографскія принадлежности и шрифтъ, который былъ уже уложенъ въ наборъ. Пришли они часовъ въ 7 вечера и проработали до 11. Печатаніемъ они не занимались, но исправляли набранный шрифтъ по имѣвшейся у нихъ рукописи... На другой день, 1 марта, съ 10 часовъ утра и почти до 5 часовъ вечера они продолжали ту же работу, окончили наборъ 2-хъ страницъ рукописи и пробовали печатать».

Между тѣмъ полиція начала свое дѣло и незамѣтнымъ образомъ выясняла составъ организаціи, сначала не представляя себѣ, что она имѣетъ дѣло съ террористическимъ заговоромъ. Замыселъ участниковъ дѣла второго 1 марта погубила неосторожность Андреюшкина. Въ концѣ января мѣсяца департаментъ полиціи получилъ, добытую путемъ перлюстраціи, копію письма, пересылавшагося изъ Петербурга въ Харьковъ, на имя студента Ивана Никитина **). Авторъ письма выставлялъ себя рьянымъ сторонникомъ террора и непримиримымъ противникомъ соціалъ-демократическаго міросозерцанія ***). Оканчивалось письмо одной загадочной, но интригующей фразой: «10 числа изъ Е—а получена телеграмма, изъ коей видно, что тамъ кого-то взяли; но какое содержаніе, но кого, неизвѣстно, и это насъ ужасно сильно безпокоитъ, т.-е. меня, ибо я веду дѣятельную переписку съ Е—мъ, и поэтому безпокоюсь за моего адресата, ибо если онъ тово, то и меня могутъ тоже тово, а это нежелательно, ибо потащу за собой много народа очень дѣльнаго. P. S Спроси у С., что онъ сдѣлалъ съ тѣми деньгами, которыя онъ собиралъ для бѣднаго... по листику, полученному нами отъ тебя въ Е—ѣ» ****).

---

*) Такъ и не открытыми слѣдствіемъ. Не называетъ ихъ и Лукашевичъ въ воспоминаніяхъ.

**) Лукашевичъ ошибочно считаетъ, что письмо было послано Богоразу. «Былое», 1917 г., № 1, стр. 123.

***) Начало письма помѣщено выше.

****) 10 января студентъ Рудевичъ, извѣстный землякамъ по гимназической кличкѣ «Cujunt», получилъ чрезъ студента Ф. Мееровича изъ Екатеринодара отъ высланнаго за ноябрьскую демонстрацію М. Фридмана телеграмму: «Скажите Куюнтову, Сынъ умеръ. Митя». Это было условленное извѣщеніе объ арестѣ Силы Жилинскаго, привлеченнаго къ дознанію по одному изъ московскихъ дѣлъ. Послѣ ареста Жилинскаго въ Екатеринодарѣ разнесся неосновательный слухъ, что арестованъ и Андреюшкинъ. По поводу содержанія телеграммы и личности Куюнтова Мееровичъ далъ, по выраженію всеподданнѣйшаго доклада отъ 17 марта, «крайне неудовлетвор

Письмо заинтересовало жандармовъ. Никитина арестовали, и онъ назвалъ Андреюшкина авторомъ письма. Только 27 февраля поступили изъ Харькова свѣдѣнія въ департаментъ, и полиція немедленно учредила спеціальное наблюденіе за Андреюшкинымъ, который уже раньше былъ замѣченъ въ сношеніяхъ съ лицами политически неблагонадежными. Наблюденіе на Невскомъ дало возможность установить знакомыхъ Андреюшкина, такъ какъ на дому это едва ли бы удалось сдѣлать. Онъ, согласившись на террористическій актъ, велъ жизнь очень замкнутую. Жандармы только 28 февраля получили тревожныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи, если довѣрять всеподданнѣйшему докладу ихъ шефа. 1 марта гр. Д. Толстой сообщаетъ царю: «Вчера начальникомъ С.-Петербургскаго секретнаго отдѣленія получены агентурнымъ путемъ свѣдѣнія, что кружокъ злоумышленниковъ намѣренъ произвести въ ближайшемъ будущемъ террористическій фактъ, и что для этого въ распоряженіи этихъ лицъ имѣются метательные снаряды, привезенные въ Петербургъ готовыми «пріѣзжимъ» изъ Харькова» *). Наблюденіе за террористами было удвоено, хотя агенты полиціи, судя по ихъ поведенію при арестѣ революціонеровъ, не представляли себѣ, что они имѣютъ дѣло съ бомбистами.

Заговорщики за три дня пребыванія ни разу не видѣли императора. На одномъ изъ собраній рѣшено было выйти 1 марта и, если не удастся покушеніе въ этотъ день, и царь поѣдетъ на югъ, то слѣдовать за нимъ и убить его на пути. 1 марта—дата слишкомъ памятная и для правительства, и для революціонеровъ, поэтому начальникъ секретнаго отдѣленія приказалъ арестовать выслѣженныхъ агентами лицъ, едва ли предполагая, что онъ имѣетъ въ рукахъ тѣхъ террористовъ, о которыхъ его уже предупредили.

Вечеромъ 28 февраля Осипановъ зашелъ къ Канчеру и далъ распоряженіе направить Волохова на слѣдующій день на Садовую улицу, Горкуна на Гороховую, а Канчеру отправиться на Невскій проспектъ. Сами метальщики рѣшили ходить вмѣстѣ. Утромъ 1 числа Андреюшкинъ зашелъ за Генераловымъ; оба они направились къ Невскому, и на тротуарѣ у главнаго штаба около 11 часовъ утра ихъ арестовали съ бомбами; у Андреюшкина, кромѣ того, при обыскѣ нашли заряженный револьверъ. Осипанова задержали на Невскомъ у Казанскаго собора. О своемъ арестѣ и первыхъ минутахъ подъ арестомъ онъ разсказалъ довольно подробно въ заявленіи отъ 5 апрѣля.

тельныя объясненія» и тутъ же былъ арестованъ. Подъ С., вѣроятно, слѣдуетъ подразумѣвать Михаила Ставраки, арестованнаго вмѣстѣ съ Никитинымъ.

*) Незадолго до этого въ Петербургѣ показался извѣстный революціонеръ Бражниковъ, вскорѣ арестованный.

«При задержаніи меня на Невскомъ проспектѣ полицейскіе агенты, Тимофѣевъ и Варламовъ, обыскали только мои карманы съ цѣлью, какъ они говорили, узнать, нѣтъ ли тамъ револьвера, но не обратили никакого вниманія на книгу. Изъ этого я заключилъ, что меня не должны подозрѣвать въ намѣреніи бросить снарядъ и что о нашемъ замыслѣ полиціи, вѣроятно, ничего неизвѣстно, а также, можетъ-быть, неизвѣстно пока и о моихъ сотоварищахъ, тѣмъ болѣе, что я не видѣлъ, чтобы кого-либо изъ нихъ арестовали, а, сѣвши на извозчика, даже замѣтилъ проходившаго мимо меня Канчера. Когда меня привезли въ управленіе, мы стали подниматься по какой-то узкой и глухой лѣстницѣ, дѣлавшей завороты. Тутъ мнѣ пришла мысль, что если я произведу взрывъ, то могу этимъ оттянуть на нѣкоторое время раскрытіе заговора и дать этимъ возможность Андреюшкину и Генералову привести его къ концу и, кромѣ того, убить двухъ агентовъ, которые, какъ я думалъ, могли заподозрить не только меня, но и моихъ товарищей и впослѣдствіи арестовать ихъ. Вообще я полагалъ, что взрывомъ могу замести хотя первые слѣды, повредить же дѣлу не могу. Съ этой цѣлью, будучи еще на лѣстницѣ, я потянулъ за бичевку, отчего должна была порваться бумажная перегородка, но потянулъ такъ сильно, что веревка порвалась, произведши нѣкоторый звукъ.

Тимофѣевъ и Варламовъ, ведшіе меня въ это время подъ руки, какъ видно, услышали этотъ звукъ, но не поняли, въ чемъ дѣло, и только сильнѣе стали держать меня подъ руки, вслѣдствіе чего я не имѣлъ возможности бросить снарядъ такъ, какъ это требовалось его устройствомъ. Но когда меня привели чрезъ какой-то корридоръ въ комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ полицейскій офицеръ, и отпустили мнѣ руки, я бросилъ снарядъ шагахъ въ трехъ отъ себя на полъ, подбросивши его, сколько помню, нѣсколько выше уровня моего роста. Снарядъ падалъ корешкомъ кверху и наискось, т.-е. въ положеніи, благопріятномъ для взрыва, но взрыва не послѣдовало. Полицейскій офицеръ вздрогнулъ, но не обратилъ на это вниманія, и только спустя минуту или двѣ послѣ паденія снаряда одинъ изъ агентовъ поднялъ его, поднесъ зачѣмъ-то къ уху, передалъ, кажется, тому же офицеру» *)

Канчеръ въ точности исполнилъ распоряженіе Осипанова. Горкунъ въ началѣ 12 утра уже былъ на Гороховой, прошелся по ней одинъ разъ до Семеновскаго моста, на обратномъ пути повернулъ по

---

*) Осипановъ очень интересовался, почему не взорвалась его бомба: «Я навѣрное знаю, что снаряды Андреюшкина и Генералова по системѣ устройства и тщательности исполненія ничѣмъ не превосходили мои». Онъ обращалъ вниманіе слѣдователей на то, что неудачное приготовленіе бомбъ есть уже юридическій казусъ, имѣющій значеніе для другихъ участниковъ заговора. Юристъ и заботливый другъ сказался въ Осипановѣ.

Малой Морской къ Невскому. Тамъ онъ Канчера не засталъ, собрался итти домой и около Малой Садовой, противъ Александринскаго театра, былъ арестованъ. Канчеръ metальщиковъ на Невскомъ не нашелъ, арестъ Осипанова просмотрѣлъ и даже не замѣтилъ, какъ онъ вмѣстѣ съ агентами полиціи проѣхалъ на извощикѣ мимо него. Онъ прошелся два раза по Невскому проспекту до Литейнаго, собираясь итти домой, былъ задержанъ на углу Б. Морской улицы. На Невскомъ проспектѣ арестовали и Волохова.

Объ арестѣ террористовъ въ департаментѣ полиціи немедленно составили докладъ и за подписью Толстого отправили царю, съ краткимъ извѣщеніемъ о заговорѣ и небольшими біографическими справками объ арестованныхъ. «На этотъ разъ Богъ насъ спасъ,—написалъ царь на докладѣ, — но надолго ли? Спасибо всѣмъ чинамъ полиціи, что не дремлютъ и дѣйствуютъ успѣшно—все, что узнаете болѣе присылайте».

Слухъ о покушеніи на императора быстро разнесся по городу и, какъ всякій слухъ, росъ и могъ принять для правительства нежелательную редакцію. «Во избѣжаніе преувеличенныхъ толковъ» гр. Толстой 1-го же марта просилъ у государя разрѣшенія напечатать особое извѣщеніе. Царь на докладѣ высказалъ согласіе въ характерной для себя резолюціи: «Совершенно одобряю и вообще желательно не придавать слишкомъ большого значенія этимъ арестамъ. По моему лучше было бы узнавши отъ нихъ все, что только возможно, не предавать ихъ суду, а просто безъ всякаго шуму отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость—это самое сильное и непріятное наказаніе. А.».

На другой день шефъ жандармовъ представилъ «проектъ правительственнаго сообщенія». «1 сего марта на Невскомъ проспектѣ около 11 часовъ утра задержаны три студента С.-Петербургскаго университета, при коихъ по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежатъ къ тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотрѣ ихъ экспертомъ оказались заряженными динамитомъ и свинцовыми пулями, начиненными стрихниномъ». Такое сообщеніе Александръ III призналъ «совершенно достаточнымъ» *).

IV.

Дознаніе по дѣлу 1 марта начато было немедленно, подъ наблюденіемъ министра юстиціи. Большой интересъ во все время слѣдствія надъ первомартовцами проявлялъ Александъ III, постоянно выска-

*) Въ такой редакціи сообщеніе появилось въ «Правит. Вѣстникѣ» въ № 47, отъ 4 (16) марта. Нѣсколько ниже напечатано, что императоръ въ воскресенье, 1 марта, въ 2 часа дня, выѣзжалъ на панихиду въ Петропавловскій соборъ, откуда уѣхалъ въ Гатчину. 3 марта онъ былъ на раутѣ у вел. кн. Влад. Александровича

чили свои соображенія и предположенія. Дознаніе велось жандармами подъ руководствомъ директора департамента полиціи П. Н. Дурново совмѣстно съ товарищемъ прокурора Котляревскимъ, въ 1905 г. прославившимся на посту предсѣдателя Виленской судебной палаты.

Въ началѣ жандармы рѣшили, что бомбы приготовлены въ Харьковѣ, и къ дѣлу 1 марта имѣютъ отношеніе студенты Харьковскаго университета В. Н. Поповъ и В. П. Бражниковъ, за которымъ передъ тѣмъ охотилась нѣсколько мѣсяцевъ и московская, и петербургская, и харьковская жандармерія *). Обыски у Генералова и Андреюшкина указали на полную несостоятельность такого предположенія. На ихъ квартирахъ полиція не нашла въ достаточномъ количествѣ матеріала для приготовленія оболочекъ и взрывчатаго вещества.

Арестованные при первомъ допросѣ отказались отъ показаній, исключая Генералова. Онъ, назвавшись при арестѣ Грановскимъ, «чтобы скрыть до времени свою квартиру и предупредить арестованіе своихъ знакомыхъ», заявилъ, что вышелъ на Невскій проспектъ «бросить снарядъ подъ экипажъ при проѣздѣ государя императора изъ Аничкова дворца». Разсказалъ вкратцѣ о своемъ участіи вмѣстѣ съ Андреюшкинымъ въ террористической фракціи, которая «не признаетъ власти Исполнительнаго Комитета» Народной Воли. Генераловъ откровенно писалъ: «Однимъ терроромъ и можно въ настоящее время достигнуть свободы слова, свободы сходокъ и вообще всего того, что я понимаю подъ свободой общества». Сознался онъ и въ участіи въ обсужденіи плана

---

*) Василій Петровичъ Бражниковъ, студентъ Харьковскаго университета,землякъ Рудевича, арестованъ въ концѣ февраля въ Харьковѣ и былъ привлеченъ по харьковскому дѣлу. По высочайшему повелѣнію 8 іюня 1888 года административно отправленъ на Сахалинъ подъ надзоръ полиціи срокомъ на 10 лѣтъ. О немъ см. «Обзоръ» XII и XIII (часть II). Владиміра Николаевича Попова полиція арестовала 25 февраля на Варшавскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ провожавшей его Р. Шмидовой. На Шмидову жандармы уже раньше обратили вниманіе, благодаря доносу квартирной хозяйки, нѣкоей Прокофьевой. 23 февраля Андреюшкинъ пришелъ въ квартиру Говорухина съ большимъ узломъ подъ шинелью и отдалъ его Шмидовой. Любопытствующая хозяйка нашла подъ кроватью Говорухина нѣсколько стеклянныхъ бутылокъ и какія-то пачки: на слѣдующій день все это было унесено вновь пришедшимъ Андреюшкинымъ. Подозрительность Прокофьевой удвоилась, она рѣшила донести полиціи, которая одновременно съ арестомъ Шмидовой произвела у ней обыскъ. Ничего подозрительнаго найдено не было. Говорухина жандармы не застали на квартирѣ, онъ къ этому времени скрылся. «Такимъ образомъ,—говоритъ всеподданнѣйшій докладъ отъ 10 марта.—показаніемъ Прокофьевой установлены сношенія Говорухина съ Андреюшкинымъ и участіе еврейки Шмидовой въ этомъ дѣлѣ». Показаніе Канчера 12 марта говорило: хотя о причастности къ заговору Шмидовой онъ не знаетъ ничего, но слыхалъ отъ Шевырева, что ее остерегаться не нужно. Ульяновъ на судѣ старался выгородить Андреюшкина и скомпрометировать показанія Прокофьевой заявленіемъ, что у Шмидовой былъ онъ, а не Андреюшкинъ. См. «Галлерея», стр. 211.

покушенія, въ приготовленіи азотной кислоты, объяснилъ, для чего употреблялись каждый предметъ, каждая вещь, найденная при обыскѣ въ его квартирѣ, описалъ даже устройство своей бомбы. Генералову, видимо, сообщили объ арестѣ Осипанова, потому, что онъ не счелъ нужнымъ скрывать его имя и называлъ его на ряду съ Андреюшкинымъ, какъ метальщика при покушеніи. Въ знакомствѣ съ развѣдчиками онъ не сознался, какъ не произнесъ никакого другого имени, отдѣлываясь при показаніяхъ стереотипной фразой: «объяснить не желаю» *).

Позднѣе Генералова счелъ нужнымъ дать свои объясненія и Осипановъ. Не упоминая никого, онъ показалъ, что былъ на Невскомъ, какъ метальщикъ, одинъ, никого изъ соучастниковъ не имѣлъ, кромѣ лица, передавшаго ему бомбу. «Съ какой цѣлью я имѣлъ этотъ снарядъ, отъ кого, когда и гдѣ получилъ таковой, я въ настоящее время объяснить не желаю, — писалъ Осипановъ 1 марта, — но впослѣдствіи все, что касается меня лично, будетъ мною объяснено» *).

Опредѣленнѣе говорилъ Андреюшкинъ: «Несъ снарядъ съ цѣлью совершить цареубійство, находя его необходимымъ для облегченія существующаго строя. Это рѣшеніе у меня было плодомъ не аффекта, не увлеченія, а плодомъ продолжительнаго зрѣлаго размышленія и взвѣшиванія всѣхъ могущихъ быть случайностей». Онъ подтвердилъ, что снаряды сдѣланы въ Петербургѣ, но не у него, въ его квартирѣ приготовлялась только азотная кислота. «Когда мнѣ именно этотъ снарядъ былъ переданъ и кѣмъ, — отвѣчать не желаю», — заканчиваетъ Андреюшкинъ свое показаніе 1 марта. Впослѣдствіи положеніе Андреюшкина оказалось болѣе, чѣмъ труднымъ. Ему приходилось отстаивать судьбу человѣка близкаго, дѣлу совершенно непричастнаго, и который могъ погибнуть благодаря неосторожной откровенности Андреюшкина, разъ уже оказавшейся губительной для всего дѣла. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ полиція при обыскѣ у Андреюшкина нашла письмо, часть котораго, писанная химическими чернилами, была такого содержанія: «Я не понялъ вашего письма, измочилъ его все въ желѣзѣ и въ итогѣ получилъ нуль. Что это значитъ? Разобрали мое послѣднее письмо, которое получили отъ матери? О его содержаніи никому ни слова; молчите даже Ранѣ и Женькѣ, ибо онѣ ничего не знаютъ, не ихъ ума дѣло. Если дѣло не удастся въ теченіе этихъ трехъ дней (до 3 марта), то или отложимъ, или поѣдемъ за нимъ. Пишите на имя Анны Григорьевны для передачи Авдотьѣ Федоровнѣ. Пока прощайте, кое-что найдете.

*) Изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ видно, что Генералова допрашивали 5 и 13 числа. Въ послѣдній разъ Генераловъ употребилъ много усилій, чтобы доказать полную непричастность къ дѣлу казака лейбъ-гвардіи Казачьяго полка Аполлинарія Ефремова, своего друга дѣтства, навѣщавшаго Генералова на квартирѣ.

сами догадаетесь въ любовной части письма. Сообщите адресъ: тотъ потерялъ и забылъ. Пишу чрезъ мать» *). Письмо было адресовано въ Екатеринодаръ, адресата назвать Андреюшкинъ отказался. 7 марта жандармы перехватили изъ Екатеринодара телеграмму: «Вы просили ничего не отвѣчать. Съ полученія письма я прожила цѣлую вѣчность. Да. Отвѣчайте. Комахина». Дознаніе къ 11 марта выяснило настоящую фамилію отправительницы, ею оказалась народная учительница А. А. Сердюкова **). Сердюкова была арестована и препровождена въ Петербургъ. При обыскѣ у ней нашли нѣсколько писемъ Андреюшкина, гдѣ онъ подробно посвящаетъ ее въ свою интимную жизнь и разсказываетъ о своей революціонной дѣятельности. Сердюкова буквально знала о каждомъ шагѣ Андреюшкина. Послѣ ноябрьской демонстраціи онъ описалъ ей петербургскія событія, въ январѣ, условившись переписываться химическими чернилами, далъ знать о своемъ вступленіи въ организацію. 14 февраля Андреюшкинъ въ видимомъ текстѣ письма сдѣлалъ Сердюковой предложеніе, а въ химическомъ сообщалъ, что «должно быть покушеніе на жизнь государя, я въ числѣ участниковъ, которые будутъ бросать бомбы, смотрите, не влопайтесь, не пишите даже о своемъ согласіи на предложеніе». Сердюкова не вынесла неопредѣленности и длительнаго молчанія Андреюшкина. 7 марта послала уже извѣстную телеграмму, которая ее выдала окончательно ***). Андреюшкинъ, чувствуя свою вину, спасалъ положеніе, какъ возможно. Онъ ни разу не упомянулъ имени Сердюковой, а когда она была арестована, заявилъ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ней и о ея полной непричастности къ дѣлу. Но кубанцы были на плохомъ счету у правительства. «Прибывающіе въ столицу и другіе университетскіе города уроженцы Кубанской области отличаются вреднымъ политическимъ направленіемъ» ****)

---

*) Письмо, несомнѣнно, было написано вечеромъ 28 февраля или утромъ 1 марта. Раисой, Женькой и Анной Григорьевной Андреюшкинъ называлъ знакомыхъ слушательницъ женскихъ курсовъ Раису Гавриловну Ульянко, Елену Хлѣбникову и Анну Коржъ. Онѣ были немедленно арестованы. Авдотья Ѳедоровна, по показанію Андреюшкина, лицо вымышленное, подъ которымъ значился адресатъ.

**) Анна Адріановна Сердюкова, уроженка Кубанской области, родилась въ 1860 году, въ 1879 году кончила женскіе педагогическіе курсы при Кубанской учительской семинаріи и получила званіе народной учительницы.

***) «Содержаніе химическаго текста письма Андреюшкина привело меня въ такой ужасъ,—пишетъ Сердюкова 21 марта,—что я не знала, что мнѣ дѣлать. Я каждый день ожидала, что совершится что-то ужасное».

****) Царь соглашается съ такой характеристикой: «Это уже давно такъ, въ особенности благодаря дѣйствіямъ наказного атамана Кармалина въ 70-хъ гг.». Н. Н. Кармалинъ уже въ 1862 году былъ на плохомъ счету у полиціи, и о немъ въ III отдѣленіи существовало дѣло: «О начальникѣ штаба 3 корпуса Кармалинѣ, позволяющемъ себѣ неумѣстныя сужденія въ политическомъ отношеніи». Архивъ III отд., 1862 г., 1 эксп., № 120.

говорится въ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 11 марта.—кубанскіе уроженцы составляютъ тѣсную, сплоченную группу близкихъ между собой людей и вмѣстѣ съ уроженцами Донской области поставили наибольшее число членовъ въ такъ-называемую партію «соціалъ-демократовъ» *). Сердюкова была отнесена къ числу участниковъ дѣла второго 1 марта и должна была предстать предъ судомъ по обвиненію въ «недонесеніи» **).

На ряду съ метальщиками твердо держались 1 марта и развѣдчики. Горкунъ отрицалъ какое-либо отношеніе къ заговору, а Канчеръ показалъ, что «съ лицами, завѣдомо для него принадлежащими къ тайному сообществу, знакомъ не былъ». Своему показанію Канчеръ старался придать видъ искренности. Онъ не отрицалъ и знакомства съ метальщиками—всѣ, вѣдь, они студенты университета, даже показалъ, что Осипановъ заходилъ къ нему раза два попить чайку. Относительно остальныхъ дѣло было еще проще. Съ Горкуномъ Канчеръ жилъ, а Волоховъ былъ другъ его дѣтства. На Невскій Канчеръ ходилъ гулять безъ всякой цѣли, о другихъ же онъ ничего не знаетъ; хотя видѣлъ ихъ на проспектѣ, но не счелъ нужнымъ заговаривать съ ними.

Несомнѣнно, своей освѣдомленностью жандармы сразу сбили искренній тонъ Канчера и показали Горкуну, что они ему не вѣрятъ. Къ этому еще прибавились запугиванія—не брезговали даже напоминаніемъ о пыткахъ ***)—перспектива быть повѣшеннымъ, и оба молодыхъ студента судорожно забились въ паническомъ страхѣ въ цѣпкихъ рукахъ опытныхъ слѣдователей. Жандармы видѣли, съ какой стороны они могутъ болѣе всего поживиться. Метальщики были пока оставлены въ покоѣ, все вниманіе обращено на Канчера и Горкуна.

Утромъ второго числа Горкунъ даетъ обширное показаніе, на которомъ Александръ III ставитъ свою отмѣтку: «Это можетъ быть откровенно».

«Подтверждая мое вчерашнее показаніе о непринадлежности ни къ какой революціонной партіи,—начинаетъ Горкунъ,—я, однако, не могу признать себя виновнымъ въ томъ, что, узнавъ случайно о подготовлявшемся покушеніи на жизнь Государя Императора, принялъ косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ. Поводомъ къ моему участію послужило

---

*) «Благодаря Новочеркасской гимназіи, которая имѣла скверную репутацію»,—пишетъ императоръ на докладѣ.

**) Жандармы, добиваясь откровенности отъ Сердюковой, пробовали подѣйствовать на нее, какъ на женщину, выставляя Андреюшкина въ непривлекательномъ видѣ. Ей сообщили, что онъ уже сдѣлалъ предложеніе Аннѣ Коржъ, на что Сердюкова дала 21 марта краткій отвѣтъ въ своихъ показаніяхъ: «Объ этомъ до сего дня я не знала и даже не подозрѣвала».

***) См. у Новорусскаго, «Былое», 1906 г., IV, стр. 78, и въ воспоминаніяхъ Лукашевича, «Былое», 1917 г., II, стр. 120.

не личное мое сочувствіе къ цареубійству и вообще къ террористическому направленію, а именно то, что, случайно узнавъ о замыслѣ, мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или фактически примкнуть къ заговору, или же отступить и навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ со всѣми ея послѣдствіями. Я избралъ первое, въ чемъ теперь искренно раскаиваюсь и даю полное и правдивое показаніе о всемъ томъ, что мнѣ извѣстно въ отношеніи подготовлявшагося покушенія». Дальше идетъ разсказъ, намъ уже извѣстный, какъ Горкунъ и Волоховъ попали въ развѣдчики, какую роль при этомъ игралъ Канчеръ и «господинъ въ очкахъ» *). На предложеніе Канчера слѣдить за царемъ Горкунъ «долженъ былъ согласиться, хотя внутреннее убѣжденіе и протестовало противъ него». Перепуганный на смерть Горкунъ не щадитъ Канчера, который, судя по показаніямъ, является его злымъ геніемъ, соблазнителемъ. Онъ не гнушается и клеветы, намекая не разъ на возможность партійной мести, и не разъ напоминаетъ жандармамъ о своемъ глубокомъ раскаяніи и обѣщаніи «дать совершенное откровенное показаніе, выяснивъ рѣшительно все, что извѣстно». Въ общемъ, онъ дѣйствительно искрененъ, и жандармы, вымотавъ нужное, скоро оставляютъ его въ покоѣ.

Показанія Канчера были сдержаннѣе по тону, онъ ни на кого не сѣтовалъ, не увѣрялъ жандармовъ въ своей правдивости и раскаяніи, но для слѣдствія онъ былъ цѣннѣе, такъ какъ зналъ о дѣлахъ фракціи больше Горкуна. Поэтому откровенность Канчера принесла огромный вредъ сравнительно съ сообщеніями его запуганнаго пріятеля. Большая часть обвиненія построена на показаніяхъ Канчера. Однимъ словомъ, онъ далъ довольно близкую къ дѣйствительности характеристику организаціи и ея членовъ, сознательно оставляя нѣсколько въ тѣни себя и тѣхъ лицъ, участія коихъ хотя и было выдающимся, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставило и Канчера въ совершенно невыгодное для него положеніе. Горкунъ со своей откровенностью шелъ навстрѣчу жандармамъ, Канчеръ не всегда поступалъ такимъ образомъ: показанія отъ него большей частью *отбирались*, онъ только подтверждалъ или дополнялъ уже извѣстное. Горкунъ своей непосредственностью подкупилъ даже Александра III, человѣка недовѣрчиваго и настроеннаго всегда враждебно къ революціонерамъ. Простота его стала ясна и жандармамъ ровно чрезъ четыре допроса. Канчеръ былъ сложнѣе. Несмотря на его кажущуюся искренность, исключительныя услуги жандармамъ при слѣдствіи, онъ довѣріемъ отъ нихъ не пользовался. «О, это хитрый хохолъ»,—говоритъ Лукашевичу опытный полицейскій П. Н. Дурново.

---

*) Непонятно, почему Горкунъ, разсказавъ о Канчерѣ, не счелъ нужнымъ назвать фамилію Шевырева, удовлетворившись на первый разъ описаніемъ его наружности.

Канчеръ увидалъ, куда ведетъ оговоръ земляка и пріятеля. «Я признаю себя виновнымъ въ томъ, — пишетъ онъ, — что зналъ о готовящемся покушеніи на жизнь Государя Императора и помогалъ въ выполненіи этого покушенія тѣмъ, что передавалъ матеріалы для приготовленія разрывныхъ снарядовъ и слѣдилъ на улицѣ за проѣздомъ Государя Императора для подачи сигнала къ выполненію покушенія, но я утверждаю, что я не былъ руководителемъ этого преступленія и что я не принадлежу къ революціонной партіи. Руководителемъ этого преступленія былъ студентъ Говорухинъ *), а исполнителями Андреюшкинъ, Генераловъ и Осипановъ. Изъ лицъ, которыя приходили въ мою квартиру, чтобы свидѣться между собой, я припоминаю одного студента Ульянова, который на прошлой недѣлѣ приходилъ одинъ разъ и имѣлъ свиданіе съ Осипановымъ, котораго звали кличкой «Котъ».

Ульяновъ былъ арестованъ 1 марта. Сгорая отъ нетерпѣнія узнать результаты наблюденія, онъ отправился на квартиру Генералова **), гдѣ уже была полицейская засада, которая его немедленно задержала. 2 марта гр. Д. Толстой поставилъ царя въ извѣстность объ арестѣ Ульянова и доложилъ, что студентъ Говорухинъ, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, 24 февраля скрылся со своей квартиры и пока не разысканъ ***). Что же касается личности въ очкахъ, приходившей, по показанію Горкуна, къ Канчеру для переговоровъ о покушеніи, то, по объясненію Канчера, это студентъ Шевыревъ, выбывшій въ половинѣ февраля изъ Петербурга въ Харьковъ, гдѣ живетъ его братъ».

Чѣмъ откровеннѣе вели себя на допросахъ Горкунъ и Канчеръ, тѣмъ большее количество лицъ имъ приходилось называть и, выгораживая себя, разсказывать о такихъ подробностяхъ, которыхъ жандармы никогда бы не узнали.

Къ 3 марта власти знали о дѣйствительномъ участіи въ заговорѣ двѣнадцати человѣкъ, изъ которыхъ девять были задержаны ****). Почти

*) Съ легкой руки Канчера О. М. Говорухинъ такъ и остался въ глазахъ слѣдствія руководителемъ дѣла второго 1 марта.

**) Лукашевичъ въ воспоминаніяхъ («Былое», 1917 г., I, стр. 42) и А. И. Ульянова («Галлерея», стр. 210) говорятъ, что Ульяновъ былъ арестованъ на квартирѣ Канчера: между тѣмъ, авторъ «Обзора» за 1887 г. (стр. 23) даетъ свѣдѣнія, что 1 марта «задержанъ Ульяновъ, пришедшій на квартиру Генералова».

***) Отмѣтка Александра III: «Навѣрно выѣхалъ изъ Петербурга».

****) Лукашевича и Пилсудскаго арестовали въ ночь на 3 марта, Шевырева искали въ Харьковѣ, а Новорусскій, по словамъ доклада, «будетъ арестованъ сегодня вечеромъ». «Усиленно разыскивался» Говорухинъ, оставившій Ульянову для Шмидовой и попавшую въ руки жандармовъ записку, гдѣ сообщалъ о рѣшеніи покончить съ собой, бросившись въ прорубь. Шмидова, задержанная на вокзалѣ (см. выше), скоро была выпущена. 2 марта ее снова арестовали и только послѣ показаній Канчера привлекли къ дознанію. Она 6 и 11 марта отрицала знакомство съ Андреюш-

одновременный отъѣздъ изъ С.-Петербурга Шевырева, Говорухина и Новорусскаго,—говоритъ всеподданнѣйшій докладъ отъ 3 марта,—въ виду показаній Канчера и Горкуна о значеніи первыхъ двухъ въ семъ дѣлѣ, быть можетъ, даетъ основанія предполагать, что названные три лица и были главными руководителями преступнаго предпріятія... Весьма вѣроятно, что, кромѣ поименованныхъ двѣнадцати лицъ, будутъ обнаружены дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ и другіе участники преступленія».

Ананьины и Новорусскій, переѣхавшій въ Парголово, не подозрѣвали, что на нихъ надвигается гроза. Лабораторія и бутылка съ нитроглицериномъ, оберегаемая М. А. Ананьиной, пребывали до Ульянова открыто въ квартирѣ. При переговорахъ съ Ульяновымъ Новорусскій условился «на той версіи показаній, которую мы будемъ давать на случай (совершенно невѣроятный случай!), если я буду привлеченъ къ дѣлу... Онъ ѣдетъ туда въ качествѣ репетитора къ Колѣ, сыну М. А. Ананьиной, и, какъ студентъ и химикъ, беретъ съ собой лабораторію для личныхъ занятій»*). На первомъ допросѣ Новорусскій не призналъ себя виновнымъ въ участіи въ заговорѣ, о пребываніи Ульянова въ Парголовѣ показалъ такъ, какъ было рѣшено, не отрицая полученія лабораторіи отъ неизвѣстныхъ ему молодыхъ людей. Отъѣздъ Ульянова онъ объяснилъ неладами съ м-мъ Ананьиной. Вмѣстѣ съ Новорусскимъ, когда полиція увидѣла результаты своего обыска, были арестованы мать и дочь Ананьины, согласно подтвердившія версію Ульянова-Новорусскаго**). Такое шаткое объясненіе при перекрестныхъ допросахъ, показаніями брата Новорусскаго, десятилѣтняго мальчика Володи, настоящаго репетитора Коли Ананьина студента Василія Давчича легко рушилось. Выяснилось, что о новомъ учителѣ никто ничего не слыхалъ, а Коля Ананьинъ и дворникъ дома ни разу его не видали. Кромѣ того, Володя Новорусскій разсказалъ о посѣщеніи какого-то господина въ пенснэ, который 22 февраля привезъ въ Парголово бутыль съ азотной кислотой. Сильной уликой въ глазахъ слѣдствія противъ Новорусскаго былъ лоскутокъ бумаги, по цвѣту похожій на переплетъ снаряда-книги, и найденный у него при обыскѣ. Всего этого было достаточно, чтобы Ново-

кинымъ и правильность доноса хозяйки Прокофьевой. Александръ III охарактеризовалъ ея показанія резолюціей: «Упорно вретъ».

*) «Былое», 1917 г., IV, стр. 73. Новорусскій говоритъ, что Ульяновъ отказался отъ такой редакціи показаній. Онъ ошибается. Ульяновъ два раза 5 и 11 марта показывалъ такъ, какъ онъ сговорился съ Новорусскимъ.

**) При первомъ допросѣ 5 марта М. А. Ананьина, числившаяся по паспорту крестьянкой, между прочимъ писала: «Я безпрестанно заботилась о томъ, чтобы приготовить сына въ гимназію». Александръ III подчеркнулъ слово «въ гимназію» краснымъ карандашемъ, сбоку поставилъ три восклицательныхъ знака и написалъ: «Это-то и ужасно, мужикъ, а тоже лезетъ въ гимназію!».

русскій оказался при слѣдствіи въ ряду важныхъ дѣятелей фракціи террористовъ, а М. А. Ананьина заняла въ обвиненіи мѣсто хозяйки динамитной мастерской *).

При арестѣ Ульянова степень его участія въ заговорѣ и роль во фракціи террористовъ не была достаточно ясна жандармамъ **). Только 4 марта, послѣ показаній Горкуна и Канчера и самого Ульянова, жандармы поняли, кого они видятъ предъ собой. Ульяновъ съ первыхъ строкъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ фракціи, сознался въ замыслѣ лишить жизни императора, для чего приготовлялъ нѣкоторыя части снарядовъ, набивалъ динамитомъ бомбы, но не говорилъ о себѣ, какъ объ иниціаторѣ и организаторѣ покушенія ***). Руководствуясь его сознаніемъ, слѣдствіе на ряду съ Шевыревымъ и Говорухинымъ ставитъ Ульянова, какъ главаря фракціи и руководителя заговора. Обстоятельства несчастно сложились для Ульянова, да, онъ меньше заботился о себѣ, а прилагалъ всѣ старанія выгородить другихъ ****). Ульяновъ скорѣе защищалъ другихъ, чѣмъ выяснялъ свое дѣйствительное участіе въ заговорѣ. Его тактику скоро постигъ Александръ III, отмѣтивъ не безъ досады 11 марта: «Отъ него я думаю больше ничего не добьешься» *****).

Въ своей ретивости выяснить какъ можно скорѣе лицъ, имѣющихъ отношеніе къ первомартовцамъ, жандармы обыскиваютъ и арестовываютъ отдаленныхъ знакомыхъ, земляковъ, къ которымъ участники заговора могли имѣть какое-либо касательство, нѣкоторыхъ задерживаютъ и до-

---

*) 9 числа Лукашевичъ разсказалъ уже извѣстный жандармамъ фактъ о поѣздкѣ Ульянова въ Парголово за нитроглицериномъ, «приготовленіе котораго въ городѣ было небезопасно, такъ-какъ при этомъ происходитъ испареніе, сильный запахъ азотной кислоты, и нужны громоздкія приспособленія въ родѣ кадокъ». Александръ III на показаніи отмѣчаетъ: «Объ этомъ Ананьины ничего не замѣчаютъ».

**) Со словъ Канчера Горкунъ 3 марта, разсказывая о метательныхъ снарядахъ, изобрѣтенныхъ какимъ-то студентомъ, заявилъ: «кажется, авторъ Ульяновъ».

***) Показанія отъ 4 марта. Кромѣ того, Ульянова допрашивали 5, 11, 19, 20 и 21 марта. Въ послѣдній разъ онъ не щадилъ себя совершенно и призналъ за собой то, что раньше отвергалъ: «Мнѣ одному изъ первыхъ,—писалъ Ульяновъ 21 марта,—принадлежитъ мысль образовать террористическую группу, и я принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи въ смыслѣ доставленія денегъ, подысканія людей, квартиры и проч. Что же касается до моего нравственнаго, интеллектуальнаго участія въ этомъ дѣлѣ, то оно было полное, т.-е. все то, которое дозволяли мнѣ мои способности и сила моихъ знаній и убѣжденій». Царь на послѣднюю фразу съ проніей, часто его посѣщавшей, отмѣтилъ: «Эта откровенность даже трогательна».

****) «Когда я увидѣлся въ первое засѣданіе съ Ульяновымъ на судѣ,—пишетъ Лукашевичъ,—то онъ пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, говорите на меня»,—я прочелъ въ его глазахъ безповоротную рѣшимость умереть». «Былое», 1917 г., II, 132.

*****) Оберъ-прокуроръ Неклюдовъ замѣтилъ на судѣ: «Вѣроятно, Ульяновъ признаетъ себя виновнымъ и въ томъ, чего не дѣлалъ». «Былое», 1917 г., II, стр. 132

прашиваютъ только потому, что они, по ихъ мнѣнію, подозрительны *) или случайно зашли въ квартиру, находившуюся подъ присмотромъ полиціи **).

Насколько тяжелыми сказались показанія противъ Ульянова, настолько данныя слѣдствія сложились сравнительно благопріятно для Лукашевича. Жандармы узнали, что онъ набивалъ бомбы, содѣйствовалъ поѣздкѣ Канчера въ Вильну ***), передавалъ матеріалы для разрывныхъ снарядовъ, но это не давало еще основанія считать его руководителемъ фракціи и даже по терминологіи обвиненія «сообщникомъ» въ дѣлѣ, а лишь только «пособникомъ». О настоящей роли Лукашевича знали очень немногіе, они молчали.

8 марта Лукашевичъ даетъ обширное «объясненіе», не внесенное въ формальный протоколъ ****). «Не могу не пожалѣть, — заканчиваетъ его Лукашевичъ, — что жизнь моя не принесла ощутительной пользы дорогому мнѣ народу; что весь мой запасъ научныхъ знаній и искреннихъ намѣреній погибъ для него. Но данный случай можетъ указать правительству, что существуютъ теперь такія условія, которыя вызываютъ

*) Интересенъ всеподданнѣйшій докладъ гр. Д. Толстого отъ 5 марта: «Въ двадцатыхъ числахъ минувшаго февраля мѣсяца начальникъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія получилъ агентурнымъ путемъ свѣдѣнія, что проживающій въ столицѣ врачъ Латышовъ ведетъ подозрительныя сношенія съ нѣсколькими лицами, которыя часто посѣщаютъ другъ друга, принимая всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы не быть замѣченными. Имѣя въ виду, что означенныя свѣдѣнія исходятъ отъ человѣка, стоявшаго близко къ арестованнымъ въ прошломъ году представителямъ кружка такъ-называемыхъ «соціалъ-демократовъ», было установлено наблюденіе за Латышовымъ и посѣщавшими его лицами, а упомянутому сотруднику (близко стоявшему къ «соціалъ-демократамъ») поручено ознакомиться съ цѣлями и намѣреніями кружка врача Латышова. Хотя намѣренія кружка и не были въ достаточной степени выяснены, но тѣмъ не менѣе, въ виду происшедшаго 1 сего марта задержанія злоумышленниковъ съ разрывными снарядами, требованія осторожности указывали на необходимость арестованія Латышова и всѣхъ близкихъ ему лицъ. Произведенными въ ночь на 2 марта обысками у врача Латышова, студента технологическаго института Фомина, кандидата С.-Петербургскаго университета Книповича, курсистки Григорьевой и у запасного рядового Лаврова найдены преступныя изданія, рукописи предосудительнаго содержанія, лотерейные билеты и разные адресы. Поименованныя лица содержатся подъ стражей». Дѣло о нихъ присоединили къ дознанію объ арестованныхъ въ октябрѣ 1886 г. П. Аршауловѣ, Н. и П. Андреевыхъ и другихъ соціалъ-демократовъ. По высочайшему повелѣнію 8 іюня 1888 г. упомянутые лица были подвергнуты надзору полиціи на разные сроки. См. «Обзоръ» XI, 29; XII, 65. 66, 118—121; XIII, 52, 53.

**) Такъ случилось со студентомъ Карташевымъ, зашедшимъ къ Генералову.

***) Всеподданнѣйшій докладъ отъ 9 марта считаетъ Лукашевича «связующимъ звеномъ между зачинщиками въ Петербургѣ и пособниками въ Вильнѣ».

****) Любопытно показаніе Лукашевича отъ 8 марта; онъ разсказываетъ о передачѣ ящика неизвѣстному лицу отъ человѣка тоже неизвѣстнаго съ такими подробностями, описаніями деталей встрѣчи, что жандармы повѣрили его искренности.

людей на самоотверженную дѣятельность, хотя имъ приходится порвать со всѣмъ дорогимъ, со своей семьей, закадычными друзьями, любимой подругой, со своими задушевными помыслами и вожделѣніями. Отвѣтомъ на всѣ эти соображенія, по всей вѣроятности, будетъ смертный приговоръ, хотя и безцѣльный. Зачѣмъ онъ?... Смертная казнь не устрашаетъ и не воздѣйствуетъ благотворно на народъ—это торжественно признало само правительство, перенеся публичную казнь въ четыре стѣны; не устрашаетъ и не удерживаетъ она отдѣльныхъ лицъ, какъ это показываетъ террористическая дѣятельность. Нельзя не высказать благихъ пожеланій, чтобы правительство устроило дѣло такъ, чтобы не тратились понапрасну молодыя силы въ кровопролитной борьбѣ и чтобы верховный правитель могъ безъ опасенія за свою личность стать ближе къ народу *). Къ 17 марта степень участія Лукашевича для слѣдствія вполнѣ выяснилась: Лукашевичъ занималъ выдающееся положеніе среди заговорщиковъ... Роль самого Лукашевича совершенно ясно очерчивается его собственнымъ объясненіемъ о запискахъ, посланныхъ черезъ Канчера въ Вильну, и подробнымъ показаніемъ Пилсудскаго.

По распоряженію изъ Петербурга Шевырева искали въ Харьковѣ, его тамъ не оказалось, онъ находился уже въ Крыму. 7 марта жандармскій подполковникъ Малицкій задержалъ Шевырева въ Ялтѣ, департаментъ полиціи потребовалъ его въ столицу и немедленно о своихъ распоряженіяхъ доложилъ царю **). Черезъ недѣлю Шевырева привезли въ Петербургъ, и на первомъ допросѣ онъ не призналъ себя виновнымъ въ заговорѣ на цареубійство и отрицалъ справедливость всѣхъ имѣющихся противъ него показаній. Такой манеры вести себя при слѣдствіи онъ держался и позднѣе. «Когда мнѣ придется предстать предъ судомъ,—говоритъ онъ товарищамъ, задолго до ареста,—я не намѣренъ излагать своихъ воззрѣній... Какъ бы ни были явны улики, практичнѣе всего отрицать свое участіе въ дѣлѣ» ***). Поведеніе Шевырева при допросахъ бѣсило жандармовъ, они въ отрицаніи и Шевырева видѣли попытку спасти себя путемъ запирательства, раздражался на него и Александръ III. На докладѣ отъ 14 марта царь пишетъ: «отъ этого негодяя ничего не добьешься», а на копіи показанія отмѣчаетъ: «конечно больше и не скажетъ». Послѣдній допросъ состоялся 18 марта, приводимъ его полностью: «Отъ Іосифа Лукашевича я денегъ 110 рублей не получалъ и о томъ, что такія деньги присланы изъ Вильны или изъ другого мѣста, онъ мнѣ не говорилъ, и предъявленное мнѣ показаніе объ этомъ Лукашевича признаю ложнымъ, равнымъ образомъ

---

*) «Какъ все это старо, пережовано и трогательно!»—замѣчаетъ Александръ III, отмѣчая приведенное мѣсто карандашомъ.

**) Резолюція царя отъ 8 марта: «Это весьма успѣшно и утѣшительно».

***) «Былое», 1917 г., I, стр. 48 и 49, см. также «Галлерея», стр. 216.

считаю ложнымъ и показаніе Генералова о томъ, что я ему давалъ порученія, относившіяся до приготовленія разрывныхъ снарядовъ. Не стѣсняющійся въ выраженіяхъ государь не счелъ нужнымъ сдержаться и при этомъ докладѣ. Генералъ-лейтенантъ Оржевскій отмѣчаетъ: «Собственной Его Величества рукой начертано: Подлецъ!», въ Гатчинѣ 20 марта 1887 года». Шевырева безповоротно признали теперь «дѣйствительнымъ руководителемъ преступленія».

Участіе эмигрировавшаго Рудевича открылось случайно. Въ книжкѣ Ульянова слѣдствіе нашло замѣтку: *Руд.* Наведя справку въ спискахъ университета, остановились на фамиліи Рудевича, дальнѣйшія разслѣдованія подтвердили догадку жандармовъ. Выяснилось, что онъ 19 февраля уѣхалъ изъ квартиры въ Ейскъ, гдѣ его, по справкамъ, не оказалось; на его отъѣздъ за границу указалъ Канчеръ, а его слова подтвердило собственноручное письмо Говорухина, посланное для Ульянова изъ-за границы по конспиративному адресу и затѣмъ не агентурнымъ путемъ попавшее въ руки Департамента Полиціи. «4 сего марта, на имя студента С.-Петербургскаго Университета князя Тенишева, — докладываетъ 17 числа генералъ Оржевскій, — проживающаго въ качествѣ преподавателя дѣтей у Товарища Оберъ-прокурора 2 Департамента Правительствующаго Сената Хвостова, получено письмо изъ Цюриха отъ неизвѣстнаго лица, почему письмо это было предъявлено въ Департаментъ Полиціи.

По разсмотрѣніи почерка письма оказалось, что оно написано разыскиваемымъ по дѣлу 1 марта сего года Орестомъ Говорухинымъ, въ чемъ убѣждаетъ также и самое содержаніе письма, въ коемъ упоминается о «Васѣ» и «Ванѣ», малолѣтнихъ братьяхъ Говорухина. Студентъ князь Тенишевъ объяснилъ, что еще въ декабрѣ минувшаго года студентъ Александръ Ульяновъ, съ которымъ онъ былъ одновременно въ Симбирской гимназіи, обратился къ нему съ просьбой получать письма на его, Тенишева, имя. Хотя князь Тенишевъ отказалъ Ульянову въ просьбѣ, но чрезъ нѣсколько дней получилъ изъ Харькова письмо, содержаніе котораго не понялъ, и показалъ его г. Хвостову *). На другой день въ университетѣ Ульяновъ спросилъ Тенишева, не получилъ ли онъ письма изъ Харькова. Передавъ Ульянову полученное наканунѣ письмо, Тенишевъ вновь просилъ не ставить его на будущее время въ непріятное положеніе — получать чужія письма. Затѣмъ 4 марта пришло письмо изъ Цюриха, помѣченное 27 февраля—11 марта, и Тенишевъ передалъ это письмо своему дядѣ, правителю канцеляріи Министра Внут-

---

*) Лишнее подтвержденіе того, что петербургскіе террористы имѣли постоянную связь съ «народовольцами террористами» г. Харькова. См. выше.

треннихъ Дѣлъ статскому совѣтнику Пазухину *), предполагая въ виду бывшаго примѣра, что и это письмо предназначалось Ульянову.

Въ означенномъ письмѣ имѣются указанія, что почти одновременно съ Говорухинымъ выѣхалъ изъ Россіи за границу какой-то господинъ «Cujunt». Въ заключеніе докладъ сообщаетъ, что подъ именемъ «Cujunt'a» слѣдуетъ разумѣть Рудевича».

Говорухинъ писалъ Ульянову о благополучномъ пріѣздѣ въ Швейцарію вмѣстѣ съ Cujunt'омъ и между прочимъ просилъ узнать у «хвойнаго дерева» точный адресъ «С. И. З.», проживающаго на «В. Н.» **). Жандармы принялись разгадывать намеки Говорухина и расшифровали ихъ почти безъ всякаго труда. Агентурнымъ путемъ они узнали, что студентъ М. Н. Сосновскій собираетъ деньги для бѣжавшихъ за границу революціонеровъ. Сопоставляя его фамилію съ названіемъ «хвойное дерево», Департаментъ Полиціи приходитъ къ убѣжденію, что подъ этой кличкой слѣдуетъ разумѣть именно упомянутаго студента. Сосновскаго задержали, и его объясненія при допросѣ окончательно убѣдили жандармовъ, что онъ имѣлъ близкое знакомство съ первомартовцами. Сосновскій былъ привлеченъ къ дознанію.

«Всеподданнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ доложить Вашему Императорскому Величеству,—пишетъ генералъ Оржевскій,—что дознаніе о злоумышленникахъ, задержанныхъ 1 сего марта съ разрывными снарядами, закончено вчера, 21 марта, и сегодня передано для дальнѣйшаго направленія прокурору С.-Петербургской судебной палаты. Къ дознанію этому привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ слѣдующія лица:

Подъ стражей:

1. Студентъ	Петръ Шевыревъ.	4.	»	Василій Осипановъ.
2.	»	Александръ Ульяновъ.	5.	»	Пахомъ Андреюшкинъ.
3.	»	Іосифъ Лукашевичъ.	6.	»	Василій Генераловъ.

*) Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ (род. 18 февр. 1845 г., † 27 янв. 1891 г.), извѣстный реакціонеръ, сотрудникъ катковскаго «Русск. Вѣстн.», составитель Положенія о земскихъ начальникахъ.

**) Т.-е. «Сергѣя Ивановича Заруднаго, проживающаго на Воскресенской набережной». Его сыновья Александръ Сергѣевичъ, помощникъ секретаря с.-петербургскаго окружнаго суда, и Сергѣй Сергѣевичъ, студентъ Петровской академіи, дали Сосновскому свои адреса для переписки Шевырева съ Петербургомъ и Москвой. Квартира С. С. Заруднаго въ Москвѣ служила и явкой для революціонеровъ. Шевыревъ чрезъ С. С. Заруднаго подъ именемъ Ивана Павловича Кузьминскаго завелъ сношенія съ московскими революціонерами, среди которыхъ Зарудный имѣлъ большія связи. Оба брата привлекались по дѣлу первомартовцевъ, и дознаніе о нихъ по высочайшему повелѣнію окончилось административнымъ взысканіемъ: С. С. Зарудный по совокупности съ московскими дѣлами получилъ три года ссылки въ Западную Сибирь, А. С. Зарудному зачли въ наказаніе предварительное заключеніе «Обзоръ», XII, XIII.

Подъ стражей:

7. » Михаилъ Канчеръ.
8. » Петръ Горкунъ.
9. » Бронисл. Пилсудскій.
10. » Констант. Гомолецкій.

Скрылись и разыскиваются:

11. » Орестъ Говорухинъ.
12. » Николай Рудевичъ.
13. Дворянинъ Антонъ Гнатовскій.
14. Дворянка Елена Пашковская.
15. Мѣщанинъ Исаакъ Дембо.

Подъ стражей:

16. » Степанъ Волоховъ.
17. Кандидатъ Духовной Академіи Михаилъ Новорусскій.
18. Крестьянка - акушерка Марья Ананьина.
19. Крестьянка Лидія Ананьина.
20. Дворянинъ Титъ Пашковскій.
21. » Іосифъ Пилсудскій.
22. Мѣщанка Раиса Шмидова.
23. » Эсфирь Гордонъ.
24. Дворянка Анна Ульянова.
25. Мѣщанка Анна Сердюкова.

Независимо сего въ С.-Петербургскомъ жандармскомъ управленіи начато особое дознаніе о лицахъ, находившихся въ преступныхъ сношеніяхъ съ участниками преступленія, обнаруженнаго 1 сего марта. Къ дознанію сему привлечены и подлежатъ привлеченію слѣдующія лица:

Подъ стражей:

1. Быв. студ. Дмитрій Фридманъ.
2. Акушерка Розалія Фридманъ.
3. Студентъ Фроимъ Мееровичъ.
4. » Яковъ Ноткинъ.
5. » Михаилъ Сосновскій.
6. Мѣщанка Марія Берковичъ.
7. Мѣщанинъ Абрамъ Марковичъ.
8. Мѣщанка Раиса Пузыренская.
9. » Фани Пузыренская.
10. Мѣщанинъ Леонтій Лейбовичъ.
11. Мѣщанка Анна Лейбовичъ, скрылась.

Поименованные 11 человѣкъ обвиняются въ предоставленіи своихъ адресовъ для преступной переписки, участіи въ снабженіи деньгами, въ сборѣ пожертвованій для Говорухина и т. д.».

Впослѣдствіи по дознанію жандармское управленіе, кромѣ бр. Зарубиныхъ, привлекло смотрителя Еленинскаго повивальнаго института В. М. Федоровскаго и курсистку Р. П. Калайтанъ, обвиняемыхъ въ сборѣ денегъ для Говорухина. Дѣло о лицахъ, вошедшихъ во вторую группу, было разрѣшено, по высочайшему повелѣнію, административно. Дознаніе прекратили относительно Р. Пузыренской, Л. Лейбовича и Р. Фридманъ. Пять лѣтъ Восточной Сибири получили Сосновскій и Я. Ноткинъ и три года Берковичъ и Марковичъ. Ф. Пузыренская, М. Фридманъ, В. Федоровскій подвергнуты тюремному заключенію на сроки отъ 6 мѣсяцевъ до 6 недѣль, а Калайтанъ отдана подъ надзоръ полиціи на 2 года на мѣстѣ служенія ея будущаго мужа В. Акимова, опредѣленнаго священникомъ въ Ставропольскую епархію. Изъ первой группы дѣло прекратили относительно Е. Пашковской.

V.

Какъ ни внушалъ гр. Д. Толстой въ своихъ докладахъ Александру III, что главные виновники замышлявшагося покушенія находятся въ рукахъ властей, какъ ни старались жандармы показать, что имъ въ дѣлѣ все ясно: найдена динамитная мастерская, обнаружены и бомбисты и химики и сообщники и пособники, увѣренность въ полномъ раскрытіи заговора отсутствовала *). Напуганное правительство подозрѣвало постороннія, весьма сильныя вліянія, использовавшія въ цѣляхъ общеевропейской политики революціонныя стремленія студенческой молодежи.

Въ то время Александръ III, настроенный противъ Фердинанда, не скрывалъ своей вражды къ Германіи и Австріи, симпатизировавшихъ политикѣ Болгаріи. Руководящіе круги Петербурга пользовались раздраженіемъ императора для проведенія антинѣмецкихъ плановъ. 1887 годъ принесъ съ собой европейскую газетную войну, рядъ словесныхъ выступленій присяжныхъ политиковъ, бряцанія оружіемъ, ожиданіе франко-русскаго союза, который привѣтствовалъ Катковъ, теперь дышавшій ненавистью къ Бисмарку и къ нѣмцамъ. Въ воздухѣ пахло близкой кровавой бойней. Дипломатія, по обыкновенію, плела свои кружева и за потоками фразъ пыталась скрыть дѣйствительное положеніе вещей, ясную для всѣхъ истину.

Если раньше «гадить» Россіи было спеціальностью «Англичанки», то теперь вездѣ замѣчали нѣмецкую интригу. Увидѣли ее и въ дѣлѣ 1 марта.

Въ началѣ статьи уже упоминалось, что наша легальная пресса, принужденная молчать, перепечатала только оффиціальныя извѣщенія изъ «Правительственнаго Вѣстника», не пытаясь даже эзоповскимъ языкомъ, иносказательно, обсуждать событіе и давать о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Только казенное перо многорѣчиваго златоуста М. Н. Каткова не знало стѣсненій. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 63, 5 марта) вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о пойманныхъ съ бомбами трехъ студентахъ помѣщена обширная передовица по поводу заговора 1 марта.

«Все въ Россіи спокойно,—утверждаетъ авторъ въ первой строкѣ своей статьи, обращаясь больше къ европейскому общественному мнѣнію, чѣмъ къ россійскому обывателю.—Школа, слава Богу, оздоровлена путемъ введенія новаго университетскаго устава, революціонная партія разбита, революціонеры, погибшіе въ бояхъ, или изъяты изъ обращенія или скитаются по-заграницѣ безсильные и безвредные. Но если

*) Гр. Д. Толстой въ концѣ марта уже пересталъ настаивать, что заговоръ раскрытъ полностью. Министръ колебался и «подозрѣвалъ». Объ этомъ см. ниже.

все спокойно въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, то можно ли сказать, что все спокойно въ нашихъ внѣшнихъ, въ нашихъ иностранныхъ дѣлахъ».

«Съ того времени, какъ возникло опасеніе, что Россія не захочетъ далѣе оставаться въ распоряженіи чужихъ державъ и захочетъ имѣть свою политику, соотвѣтствующую ея достоинству и ея собственнымъ интересамъ, начали появляться у насъ дурные признаки, стали замѣчаться такъ называемые самообразовательные кружки, въ которые привлекаются молодые люди сначала для литературнаго препровожденія времени, для чтенія извѣстныхъ писателей, при чемъ мало-по-малу прочитываются и подпольныя изданія, которыя, наконецъ, и становятся главными предметами занятій, разсужденій и толковъ. Тутъ-то и улавливаются наиболѣе податливые птенцы и замыкаются въ клѣтку, разобщаются туманомъ революціонныхъ идей съ окружающимъ міромъ, подчиняются тайной командѣ, должнымъ образомъ терроризуются и потомъ становятся слѣпыми орудіями для самыхъ безумныхъ дѣлъ, для самыхъ гнусныхъ злодѣяній».

«Кто ихъ поджигаетъ»,—спрашиваетъ авторъ въ концѣ статьи.— „Is fecit cui prodest“, по мнѣнію Каткова, самообразовательные кружки есть порожденіе темныхъ силъ, питающихся соками нѣмецкой и антирусской политики. Ей-то особенно и полезны россійскіе заговоры, антиправительственныя выступленія, террористическіе замыслы *).

Фантазіями Каткова и его менѣе талантливыхъ продолжателей власть пользовалась, запугивая россійскихъ самодержцевъ или, какъ въ данномъ случаѣ, желала возстановить монарха противъ ненавистной Германіи. Александръ III внимательно читалъ Московскія Вѣдомости и прислушивался къ ихъ мнѣнію. Наличность нѣмецкой интриги для него была несомнѣнна, допускалъ ее и руководитель тогдашней внутренней политики гр. Д. Толстой. Нѣкоторыя указанія, правда, косвенныя, имѣются во всеподданнѣйшихъ докладахъ **).

Мать А. И. Ульянова въ отчаяніи пишетъ Александру III письмо, надѣясь тронуть монарха своими слезами, своей материнской скорбью. Приводимъ письмо полностью вмѣстѣ съ бездушными отмѣтками царя, говорящими о его мстительномъ, черствомъ сердцѣ.

«Милосерднѣйшій Монархъ!

Горе и отчаяніе матери даютъ мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ Вашему Величеству, какъ единственной защитѣ и помощи.

Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для дѣтей моихъ! Старшій сынъ, Александръ, окончившій гимназію съ золотою ме-

---

*) Статья изъ «Московск. Вѣд.» была перепечатана въ № 3 «Русск. Вѣстн.» за 1887 г., въ отд. «Современн. Лѣтопись», подъ названіемъ «Возобновленіе злоумышленныхъ попытокъ въ Россіи», стр. 378—385.

**) Въ первой резолюціи (см. выше) царь желалъ кончить дѣло «безъ шуму». Не считалъ ли онъ съ самаго начала заговоръ дѣломъ иноземныхъ враговъ Россіи?

далью, получилъ золотую медаль и въ университетѣ. Дочь моя, Анна, успѣшно училась на Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. И вотъ, когда оставалось всего лишь мѣсяца два до окончанія ими полнаго курса ученія, —у меня вдругъ не стало старшаго сына и дочери: оба они заключены по обвиненію въ прикосновенности къ злодѣйскому дѣлу перваго марта.

Слезъ нѣтъ, чтобы выплакать горе. Словъ нѣтъ, чтобы описать весь ужасъ моего положенія.

Я видѣла дочь, говорила съ нею. Я слишкомъ хорошо знаю дѣтей своихъ и изъ личныхъ свиданій съ дочерью убѣдилась въ полной ея невиновности. Да, наконецъ, и Директоръ департамента Полиціи еще 16 марта объявилъ мнѣ, что дочь моя не скомпрометирована, такъ что тогда же предполагалось полное освобожденіе ея. Но затѣмъ мнѣ объявили, что для болѣе полнаго слѣдствія дочь моя не можетъ быть освобождена и отдана мнѣ на поруки, о чемъ я просила, въ виду крайне слабаго ея здоровья и убійственно вреднаго вліянія на нее заключенія въ физическомъ и моральномъ отношеніи.

О сынѣ я ничего не знаю. Мнѣ объявили, что онъ содержится въ крѣпости, отказали въ свиданіи съ нимъ и сказали, что я должна считать его совершенно погибшимъ для себя.

О, Государь! Если бъ я хоть на одинъ мигъ могла представить своего сына злодѣемъ, у меня хватило бы мужества отречься отъ него, и благоговѣйное уваженіе къ Вашему Величеству не позволило бы мнѣ просить за него. Но все, что я знаю о сынѣ, не даетъ мнѣ возможности представить его такимъ, —и я милости прошу у Васъ, Великодушнѣйшій Государь! Сынъ мой былъ всегда убѣжденнымъ и искреннимъ ненавистникомъ терроризма въ какой бы то ни было формѣ. Такимъ я знаю его до послѣднихъ каникулъ (въ 1886 г.), проведенныхъ имъ дома у меня, въ Симбирскѣ *).

Онъ былъ всегда религіозенъ, глубоко преданъ интересамъ семьи и часто писалъ мнѣ. Около года тому назадъ умеръ мой мужъ, бывшій директоромъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи. На моихъ рукахъ осталось шесть человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ четверо малолѣтнихъ. Это несчастіе, совершенно неожиданно обрушившееся на мою сѣдую голову, могло бы окончательно сразить меня, если бъ не та нравственная поддержка, которую я нашла въ старшемъ сынѣ, обѣщавшемъ мнѣ всяческую помощь и понимавшемъ критическое положеніе семьи безъ поддержки съ его стороны.

Онъ былъ увлеченъ наукой до такой степени, что ради кабинетныхъ занятій пренебрегалъ всякими развлеченіями. Въ университетѣ онъ былъ на лучшемъ счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую каѳедру,—и нынѣшній учебный годъ онъ усиленно работалъ въ зоологическомъ кабинетѣ университета, подготовляя магистерскую диссертацію, чтобы скорѣе выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи. Зная это, могу ли я представить сына моего злодѣемъ? А между тѣмъ, онъ такъ тяжко обвиняется и, безъ сомнѣнія, у обвинительной власти должны быть вѣскія доказательства для обвиненія.

Я не знаю ни сущности обвиненія, ни данныхъ, на которыхъ оно основано. Но, сопоставляя самый фактъ обвиненія въ тягчайшемъ

---

*) «Хорошо она знаетъ сына!», — отмѣтка Александра III.

государственномъ преступленіи съ фактами относительно воззрѣній моего сына въ самомъ недавнемъ прошломъ, преданности его наукѣ и интересамъ семьи, я вижу непримиримую несообразность, представляющуюся чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ. Здѣсь возможно допустить лишь—или какую-то роковую случайность, или помраченіе разсудка, но ни въ какомъ случаѣ не злодѣйство, проистекающее изъ убѣжденій преступной натуры. Онъ былъ всегда слишкомъ религіозенъ, гуманенъ и честенъ, чтобы, будучи въ здравомъ умѣ, идти на злодѣйское дѣло и заслужить проклятіе милліоновъ людей. Онъ былъ слишкомъ развитъ, чтобы не понимать позорнаго безчестія этого дѣла. Онъ слишкомъ любилъ сестру, чтобы губить ее. Онъ слишкомъ былъ преданъ семьѣ, чтобы пятнать ее позоромъ, слишкомъ уважалъ свой дворянскій родъ, чтобы клеймить его.

О, Государь! Умоляю—пощадите дѣтей моихъ! Нѣтъ силъ перенести этого горя и нѣтъ на свѣтѣ горя такого лютаго и жестокаго, какъ мое горе! Сжальтесь надъ моей несчастной старостью! Возвратите мнѣ дѣтей моихъ!

Если у сына моего случайно отуманился разсудокъ и чувство, если въ его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу въ душѣ его тѣ лучшія человѣческія чувства и побужденія, которыми онъ такъ недавно еще жилъ! *).

Я свято вѣрю въ силу материнской моей любви и сыновней его преданности—и ни минуты не сомнѣваюсь, что я въ состояніи сдѣлать изъ моего несовершеннолѣтняго еще сына честнаго члена русской семьи, вѣрнаго слугу Престола и Отечества,—не сомнѣваюсь, что онъ употребитъ всю послѣдующую жизнь свою на то, чтобы загладить павшую на него вину. И если бъ я увидѣла въ сынѣ хоть малѣйшіе задатки злой воли, хоть малѣйшее упорство относительно исправленія,—клянусь, Государь, не нужно карателя и обвинителя безпощаднѣе меня: я сама передамъ его въ руки правосудія и буду свидѣтельствовать противъ него.

Милости, Государь, прошу, милости! Въ такомъ отчаянномъ несчастіи, какъ мое, можетъ быть только помощь Всевышняго да милость Царская.

Умилосердитесь, Государь, надъ мной и дайте мнѣ возможность доказать, что обреченный на гибель сынъ мой можетъ быть вѣрнѣйшимъ изъ слугъ Вашего Величества!

Марія Ульянова.

28 марта 1887 года.

С.-Петербургъ.

(Васильевскій островъ,
Средній пр., д. 32, кв. 5).

Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Кавалера Станислава I степени Марія Александровна Ульянова. Постоянное жительство въ Симбирскѣ».

*) Царь отмѣчаетъ послѣднюю фразу и пишетъ: «А что же до сихъ поръ она смотрѣла!».

Наверху прошенія Александръ III ставитъ резолюцію: «Мнѣ кажется желательнымъ дать ей свиданіе съ сыномъ, чтобы она убѣдилась что это за личность ея милѣйшій сынокъ и показать ей показанія ея сына чтобы она видѣла какихъ онъ убѣжденій».

Въ тотъ же день, 30 марта, гр. Д. Толстой посылаетъ докладъ директору Департамента Полиціи П. Н. Дурново съ любопытной собственноручной запиской: «Нельзя ли воспользоваться разрѣшеннымъ Государемъ Ульяновой свиданіемъ съ ея сыномъ, чтобы она уговорила его дать откровенное показаніе, въ особенности о томъ, *кто, кромѣ студентовъ*, устроилъ все это дѣло. Мнѣ кажется, это могло бы удаться, если бы подѣйствовать поискуснѣе на мать». Дурново на письмѣ министра даетъ распоряженіе: «Вызвать ко мнѣ Г-жу Ульянову завтра къ 12 часамъ». Приказаніе немедленно было исполнено. Какого содержанія велся разговоръ у Дурново съ М. А. Ульяновой, догадаться не трудно, но желаемыхъ результатовъ для министра и царя онъ не принесъ. А. И. Ульянова передаетъ сцену перваго свиданія ея брата съ матерью.

«Когда мать пришла къ нему на первое свиданіе, онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни, прося ее простить его за причиняемое имъ горе. Онъ говорилъ ей, что у него есть долгъ не только передъ семьей, и, рисуя ей безправное, задавленное положеніе родины, указывалъ, что долгъ каждаго честнаго человѣка бороться за освобожденіе ея.

— «Да, но эти средства такъ ужасны»...

— «Что же дѣлать, если другихъ нѣтъ, мама»,—отвѣтилъ онъ.

И онъ всячески старался примирить мать съ ожидавшей его участью.

— «Надо примириться, мама»,—говорилъ онъ.

И онъ напоминаетъ ей о меньшихъ дѣтяхъ, о томъ, что слѣдующіе за нимъ братъ *) и сестра кончаютъ въ этомъ году съ золотыми медалями и будутъ утѣшеніемъ ей.

Убитая горемъ мать долго убѣждала и просила его подать прошеніе о помилованіи.

«Не могу я сдѣлать этого послѣ всего, что призналъ на судѣ **).—отвѣчалъ братъ.—Вѣдь, это же будетъ неискренне».

На этомъ свиданіи присутствовалъ нѣкій молодой прокуроръ, нѣсколько разъ отходившій къ двери и выходившій даже изъ камеры.

---

*) В. И. Ульяновъ (Ленинъ) кончалъ въ Симбирскѣ гимназію. Въ томъ же году «исключенъ изъ Казанскаго университета, гдѣ посѣщалъ юридическій факультетъ, за соціалистическую пропаганду». См. его біографію въ книгѣ «Большевики». Изд. «Задруга», М. 1918, стр. 236 и 237.

**) Память измѣнила А. И. Ульяновой. Первое свиданіе ея брата состоялось до суда. Вѣроятно, разговоръ о помилованіи происходилъ послѣ 19 апрѣля, когда состоялся приговоръ.

чтобы дать возможность матери переговорить свободнѣе съ сыномъ. При послѣднихъ словахъ брата онъ обернулся и, со слезами на глазахъ, воскликнулъ: «Правъ онъ, правъ!».

«Слышишь, мама, что люди говорятъ»,—сказалъ тогда братъ.

«У меня просто руки опустились»,—разсказывала объ этомъ свиданіи мать.

28 марта послѣдовало распоряженіе предать суду особаго присутствія Правительствующаго Сената съ сословными представителями изъ всѣхъ привлеченныхъ къ дознанію только 15 человѣкъ: Генералова, Андреюшкина, Осипанова, Канчера, Горкуна, Шевырева, Ульянова, Б. Пилсудскаго, Лукашевича, Волохова, Пашковскаго, Новорусскаго, М. Ананьину, Шмидову и Сердюкову. Относительно І. Пилсудскаго, Ульяновой, Гамелецкаго, М. Ананьиной и Е. Гордонъ 8 апрѣля по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи состоялось высочайшее повелѣніе разрѣшить дѣло въ административномъ порядкѣ *).

Вѣроятно потому, что при арестахъ Генераловъ давалъ показанія первымъ, его имя въ обвинительномъ актѣ стояло впереди и самое дѣло оффиціально называлось «дѣломъ Генералова и др.» **). 2 апрѣля подсудимымъ былъ врученъ обвинительный актъ, а 15 числа начался надъ первомартовцами судъ. Всѣ они обвинялись въ организаціи покушенія на жизнь государя, кромѣ Сердюковой, виновной въ недонесеніи.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій П. А. Дрейеръ, обвинялъ прокуроръ Неклюдовъ. Защитники были у всѣхъ подсудимыхъ кромѣ Ульянова и Новорусскаго, который по незнанію своевременно не заявилъ о желаніи имѣть адвоката. «Защитники,—говоритъ Лукашевичъ,—выступили со своими рѣчами, блѣдными, краткими и безцвѣтными, не касаясь тѣхъ условій, которыя породили революціонное движеніе, которыя породили и приводятъ на скамью подсудимыхъ столько лицъ, одушевленныхъ стремленіями улучшить существующій режимъ» ***).

Принципіальную рѣчь произнесъ Ульяновъ. Онъ разсказалъ, какъ отъ мечтаній ранней юности онъ перешелъ къ идеаламъ научнаго соціализма, какъ встрѣтилъ препятствія со стороны правительства, когда хотѣлъ ближе сойтись съ народомъ. Легальной дѣятельности не давалось простора, пришлось встать на путь борьбы революціонной. Насиліямъ правительства необходимо было противопоставить силу, террору—терроръ, организаціей послѣдняго и занялась фракція. Предсѣдатель не

*) О приговорѣ надъ ними см. выше.

**) «Былое», 1906 г., IV, стр. 74.

***) «Былое», 1917 г., II, стр. 126. Тамъ же изложена болѣе полно рѣчь А. И. Ульянова и самая процедура суда. Къ воспоминаніямъ Лукашевича мы и отсылаемъ читателя. См. также «Общее дѣло» № 97 и брошюру «Послѣднія слова казненныхъ», Спб. 1906 г., стр. 57 и 58.

разъ прерывалъ Ульянова замѣчаніями, что его взгляды уже извѣстны по рѣчамъ прежнихъ революціонеровъ и ничего новаго для суда не дадутъ.

Осипановъ хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ словомъ и началъ рѣчь возраженіемъ своему защитнику, что онъ не хочетъ для себя никакого снисхожденія. Предсѣдатель остановилъ его: по его мнѣнію, въ послѣднемъ словѣ можно говорить только въ пользу, а не во вредъ себѣ *). Осипановъ мало надѣялся, что ему на судѣ дадутъ слово.

Въ объясненіи отъ 5 апрѣля онъ, между прочимъ, писалъ: «Я вполнѣ сознаю, что далъ въ немъ (объясненіи) слишкомъ много мѣста разсужденіямъ часто теоретическаго свойства, которыя, можетъ быть, было бы болѣе умѣстно высказать въ изустныхъ объясненіяхъ на судѣ, но я не имѣю твердой увѣренности, что тамъ мнѣ дана будетъ возможность высказаться хоть сколько-нибудь обстоятельно. Между тѣмъ, идеи и соображенія, которыя я привелъ въ этомъ заявленіи, руководили моими поступками, составляли завѣтную часть моего нравственнаго бытія и слишкомъ для меня дороги, чтобы я отказался высказать, если представится къ этому какая-либо возможность» **). Послѣ запрещенія говорить, Осипановъ сѣлъ на мѣсто и не проронилъ ни звука.

19 апрѣля состоялся приговоръ Сената ***). Шевыревъ былъ признанъ зачинщикомъ и руководителемъ заговора. Генераловъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Канчеръ, Горкунъ, Волоховъ и Ульяновъ—сообщниками, при чемъ послѣдній «принималъ самое дѣятельное участіе какъ въ злоумышленіи, такъ и въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ

---

*) «Былое», 1917 г., II, стр. 126, а также «Галлерея», стр. 221.

**) Осипановъ въ своемъ письменномъ заявленіи повторяетъ программу фракціи и ея взглядъ на терроръ. На первый планъ онъ ставитъ пропаганду соціалистическихъ идей, говоритъ о необходимости организаціи трудящихся массъ и требуетъ отъ правительства уступокъ политическаго характера. Между прочимъ, онъ протестуетъ противъ обывательскаго взгляда, усиленно поддерживавшагося правительствомъ еще въ 70 гг., что соціалисты желаютъ путемъ насилія водворить атеизмъ и стоятъ за «общность женъ». Осипановъ признаетъ, что «народъ настоящаго времени гораздо менѣе инертенъ, чѣмъ, напримѣръ, въ началѣ 70 гг., во времена пресловутаго (sic!) хожденія въ народъ». Народъ понимаетъ революціонеровъ по-своему, онъ смотритъ на нихъ, какъ на защитниковъ стараго порядка, какъ на охранителей крѣпостной Россіи, противъ которой выступаетъ пока только царь. «Не заставятъ ли подобныя мнѣнія народъ подняться во имя царя»,—спрашиваетъ Осипановъ.— Тогда революціонерамъ придется взять дѣло восстанія въ свои руки. «Будетъ масса совершенно безплодныхъ убійствъ и разрушеній, будутъ уничтожены многія блага цивилизаціи... Поэтому мы не симпатизировали и не можемъ симпатизировать подобному типу революціи. Если бы было иначе, если бы мы ему сочувствовали, мы, вѣроятно, давно бы успѣли вызвать подобную революцію».

***) О приговорѣ надъ первомартовцами и приведеніи смертной казни въ исполненіе напечатано въ «Правит. Вѣстн.», № 98, отъ 9 мая.

ето осуществлено . Лукашевичъ, Новорусскій, Ананьина М., Б. Пилсудскій, Пашковскій и Шмидова признавались пособниками, «содѣйствіе которыхъ было болѣе или менѣе необходимо для совершенія преступленія». Виновной въ недонесеніи оказалась и Сердюкова. Приговоръ суда для всѣхъ былъ одинаковъ—смертная казнь чрезъ повѣшеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ особое присутствіе постановило ходатайствовать предъ государемъ о замѣнѣ смертной казни каторжными работами: Горкуну, Канчеру, Волохову и Ананьиной на 20 лѣтъ, Б. Пилсудскому на 15 лѣтъ и Пашковскому на 10 лѣтъ; Шмидовой ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ и Сердюковой—заключеніемъ въ тюрьмѣ на два года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Александръ III удовлетворилъ ходатайство особаго присутствія, но срокъ каторги Горкуну, Канчеру и Волохову понизилъ до 10 лѣтъ.

«Послѣ этого приговора,—вспоминаетъ Лукашевичъ,- мнѣ разрѣшили свиданіе съ отцомъ. Отцу моему, который очень любилъ меня, чрезвычайно хотѣлось спасти мнѣ жизнь. Защитникъ мой тоже настойчиво совѣтовалъ подать прошеніе о помилованіи, текстъ котораго онъ составилъ. Въ это время, увы, я смотрѣлъ на подачу прошенія совершенно ошибочно, какъ на формальность. Но чѣмъ больше я сближался и сживался со старыми народовольцами въ Шлиссельбургѣ, тѣмъ рѣзче, сильнѣе и мучительнѣе чувствовалась вся неумѣстность этого поступка. И этотъ ложный шагъ стоилъ мнѣ многихъ страданій *).

Лукашевичъ, какъ и Новорусскій, по повелѣнію царя получилъ безсрочную каторгу. «Я не помню точно,—пишетъ Новорусскій,—какого числа былъ произнесенъ смертный приговоръ въ предварительной формѣ. Въ тотъ же или на другой день, подъ вліяніемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ убѣжденій своего сосѣда шпіона **), имѣвшаго тогда въ моихъ глазахъ огромный авторитетъ, я подалъ прошеніе на высочайшее имя. Въ немъ я писалъ въ выраженіяхъ, которыя никогда съ тѣхъ поръ не могу вспомнить безъ нравственной боли, жалобу на строгость приговора и просьбу сохранить мнѣ жизнь и отправить меня въ ссылку» ***). I. Д. Лукашевичъ и М. В. Новорусскій были навсегда заточены въ Шлиссельбургскую крѣпость, и только событія 1905 года возвратили имъ свободную жизнь.

8 мая министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой письменно докладывалъ императору: «Сегодня въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, согласно приговору особаго присутствія Правительствующаго Сената, 15–19 ми-

---

*) «Былое», 1917 г., II, стр. 125. Защищалъ Лукашевича прис. пов. Принцъ Г. Г., года три тому назадъ скончавшійся.

**) Къ Новорусскому подсадили предателя А. П. Остроумова, который очень «интересовался» дѣломъ 1 марта 1887 года.

***) «Былое», 1906 г., IV, стр. 96.

нувшаго апрѣля состоявшемуся, подвергнуты смертной казни государственные преступники: Шевыревъ, Ульяновъ, Осипановъ, Андреюшкинъ и Генераловъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ приводившимъ приговоръ Сената въ исполненіе, товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда Щегловитовымъ *), осужденные въ виду перевода ихъ въ Шлиссельбургскую тюрьму предполагали, что имъ даровано помилованіе. Тѣмъ не менѣе, при объявленіи имъ за полчаса до совершенія казни, а именно въ 3½ час. утра, о предстоящемъ приведеніи приговора въ исполненіе, всѣ они сохранили полное спокойствіе и отказались отъ исповѣди и принятія св. таинъ.

Въ виду того, что мѣстность Шлиссельбургской тюрьмы не представляла возможности казнить всѣхъ пятерыхъ одновременно, эшафотъ былъ устроенъ на три человѣка, и первоначально выведены для совершенія казни Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ, которые, выслушавъ приговоръ, простились другъ съ другомъ, приложились къ кресту и бодро вошли на эшафотъ, послѣ чего Генераловъ и Андреюшкинъ громкимъ голосомъ произнесли: «Да здравствуетъ Народная Воля!». То же самое намѣревался сдѣлать и Осипановъ, но не успѣлъ, такъ какъ на него былъ накинутъ мѣшокъ. По снятіи труповъ вышеозначенныхъ казненныхъ преступниковъ, были выведены Шевыревъ и Ульяновъ, которые также бодро и спокойно вошли на эшафотъ, при чемъ Ульяновъ приложился къ кресту, а Шевыревъ оттолкнулъ руку священника».

На докладѣ, кромѣ обычнаго знака о прочтеніи его царемъ, никакой другой помѣтки не имѣется.

Трагически кончилъ свою жизнь Канчеръ. Отправленный на Сахалинъ, онъ, по словамъ Лукашевича, не вынесъ угрызеній совѣсти и застрѣлился, предварительно принявъ ядъ; смерть наступила не сразу, Канчеръ промучился нѣсколько часовъ. Въ Восточной Сибири умеръ и Горкунъ. Титъ Пашковскій въ 1895 г. застрѣлился въ Якутскѣ **). Относительно остальныхъ, къ сожалѣнію, мы свѣдѣній не имѣемъ. Извѣстно только, что М. А. Ананьина скончалась на каторгѣ, а Б. Пилсудскій 5—6 лѣтъ тому назадъ былъ живъ.

Вся сила правительственныхъ репрессій послѣ раскрытія заговора направлена была противъ студенчества и университетовъ, которые Александръ III не иначе называлъ, какъ революціонными гнѣздами и разсадниками революціи. Мало церемонился онъ и съ профессорами, давая имъ не всегда лестныя характеристики. Вполнѣ понятно, что не-

*) Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ, бывшій министръ юстиціи и извѣстный черносотенный дѣятель въ недавнее время.

**) «Общее Дѣло», № 97.

тербургскій университетъ забилъ тревогу. 6 марта ректоръ университета И. Е. Андреевскій собралъ профессоровъ, преподавателей и студентовъ въ актовый залъ и въ присутствіи попечителя округа и его помощника произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ скорбь и негодованіе по поводу случившагося и приглашалъ профессоровъ и студентовъ поднести царю адресъ съ увѣреніями въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ *).

Адресъ былъ составленъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Три злоумышленника, недавно сдѣлавшись, къ великому несчастію для С.-Петербургскаго Университета, его студентами, своимъ участіемъ въ адскомъ замыслѣ и преступномъ сообществѣ нанесли университету невыносимый позоръ. Тяжко, скорбно, безвыходно! И въ эти горестные дни С.-Петербургскій Университетъ, въ цѣломъ его составѣ, всѣ его профессора и студенты ищутъ для себя единственнаго утѣшенія въ милостивомъ, Государь, дозволеніи повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Величества чувства вѣрноподданнической преданности и горячей любви».

На подлинномъ слѣдуютъ подписи ректора, профессоровъ и преподавателей. Царь на адресѣ написалъ: «Благодарю с.-петербургскій университетъ и надѣюсь, что *на дѣлѣ*, а не на бумагѣ только онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе» **).

Часть студенчества, весьма незначительная, откликнулась на рѣчь И. Е. Андреевскаго въ особой прокламаціи ***), не осталась она равнодушной и къ самому событію 1 марта. Въ началѣ апрѣля мѣсяца департаментъ полиціи получилъ свѣдѣнія, что члены студенческаго союза вырабатываютъ программу новаго кружка и обсуждаютъ текстъ воззванія по поводу 1 марта и состоявшагося приговора надъ его участниками. Наблюденіе установило, что въ теченіе апрѣля мѣсяца студенты университета А. Д. Павловскій, Е. И. Яковенко, Б. А. Метцъ, I. и В. Н. Петровы, Н. I. Эйсмонтъ, П. И. Захаровъ, а также близкіе знакомые

*) Рѣчь проф. И. Е. Андреевскаго помѣщена въ «Правит. Вѣстн.» за 1887 г., № 50, отъ 7 марта. Конечно, редакція не преминула распространиться о неумолкаемомъ «ура» и безпрерывномъ пѣніи гимна студентами и профессорами.

**) Въ «Правит. Вѣстн.», приб. въ № 57 отъ 16 марта, и № 58 отъ 17 марта адресъ и резолюція напечатаны полностью.

***) Въ составленіи прокламаціи полиція подозрѣвала М. Н. Сосновскаго, Е. Яковенко, а въ печатаніи на гектографѣ Н. Евстифѣева, Обзоръ, XII, стр. 71

М. В. Новорусскаго, занимающійся преподавательской дѣятельностью Н. П. Евстифѣевъ и др. собирались въ разныхъ квартирахъ,— послѣдній разъ ихъ сходка состоялась на Крестовскомъ островѣ 12 мая,— и обсуждали проекты прокламаціи. Проекты представлены были Яковенкомъ, Захаровымъ и Евстифѣевымъ. Собраніе остановилось на редакціи Яковенко и Евстифѣева и поручило послѣднему оттектографировать ее. 16 мая участники сходки были арестованы, прокламація Евстифѣева, озаглавленная «Къ зрителямъ», попала въ руки полиціи.

Указывая на затишье послѣдняго времени, авторъ отмѣчаетъ *), что за послѣднее время «произошелъ крупный фактъ во внутренней жизни партіи, извѣстной подъ именемъ «Народной Воли»: единая централизованная революціонная организація умерла въ борьбѣ за свое существованіе, уступивъ мѣсто федераціи отдѣльныхъ кружковъ, для успѣшности борьбы. Организація Н. В. оказалась слишкомъ слабой, и сознаніе это зародило мысль у приверженцевъ ея принциповъ о несвоевременности такой организаціи. Процессъ перехода къ новой формѣ устройства по необходимости продолжителенъ и тягостенъ для партіи, такъ что нельзя удивляться его сильному вліянію на боевую ея дѣеспособность». Далѣе говорилось, что центральная организація связывала инициативу отдѣльныхъ самостоятельныхъ группъ и «1 марта 1887 года первый случай выступленія на пути террора не отъ имени Исполнительнаго Комитета, а отъ какого-то тайнаго кружка». У І. Попова оказался проектъ устава «партіи политическаго освобожденія», такъ и не появившійся на свѣтъ.

Дѣло о нихъ было разрѣшено административнымъ порядкомъ; всего болѣе пострадалъ Н. П. Евстифѣевъ, его выслали въ Восточную Сибирь на 8 лѣтъ **).

Столица ничѣмъ другимъ себя не проявила, молчала и провинція. Только относительно Казани имѣются свѣдѣнія, что тамъ по поводу перваго марта была отпечатана прокламація въ количествѣ 200 экземпляровъ. Она распространялась по почтѣ въ самомъ городѣ. При начавшемся дознаніи выяснилось, что воззваніе разсылалъ Н. Д. Барановъ, который и получилъ 6 лѣтъ Иркутской губ. ***).

---

*) См. «Обзоръ» XII, стр. 68—70. Прокламацію хотѣли издать отъ имени «Студенческаго союза». Судя по отчету, полиція имѣла своихъ людей въ средѣ студенчества, которые доносили ей о всѣхъ мельчайшихъ предположеніяхъ и рѣшеніяхъ. Насколько правдивы были свѣдѣнія, сказать трудно.

**) Кромѣ вышеперечисленныхъ лицъ, «по дѣлу бр. Поповыхъ, Евстифѣева и другихъ», привлекались Н. Э. Ватсонъ, Зыссеръ П. А., Гарнакъ Е. Е., Рязанова М. А., Деруновъ К. Н., Евстифѣевъ С. П. и Филиппова А. В., вскорѣ освобожденная. Подробно о нихъ см. «Обзоръ» XII и XIII.

***) Тамъ же.

Дѣло «Второго 1 марта» закончило одинъ періодъ революціоннаго движенія. Фракція террористовъ появилась почти наканунѣ 90-хъ годовъ, когда борьба съ правительствомъ приняла новыя формы. Отдѣльными тропинками, то опускаясь, то поднимаясь, выходили революціонеры на торную широкую дорогу массоваго протеста. Росла и крѣпла соціалъ-демократическая организація, вобравшая въ себя въ первые годы все дѣйственное и молодое. Въ своей увѣренности, что у нея только одна правда, что съ ея только тактикой слѣдуетъ считаться, она оставалась до первыхъ лѣтъ XX вѣка, нѣсколько преждевременно прочитавъ отходную народническому и народовольческому міровоззрѣнію. Организація партіи с.-р., выстрѣлъ С. В. Балмашева напомнили о старыхъ, казавшихся навсегда ушедшихъ, годахъ. Надо было пройти 15 годамъ революціонной подготовки, чтобы идеи народничества, участниковъ фракціи второго 1 марта, взглядъ на терроръ воскресли, развились и чѣмъ дальше, тѣмъ больше завоевывали себѣ сторонниковъ. Революціонное движеніе вступало въ новую фазу.

А. Поляковъ.

